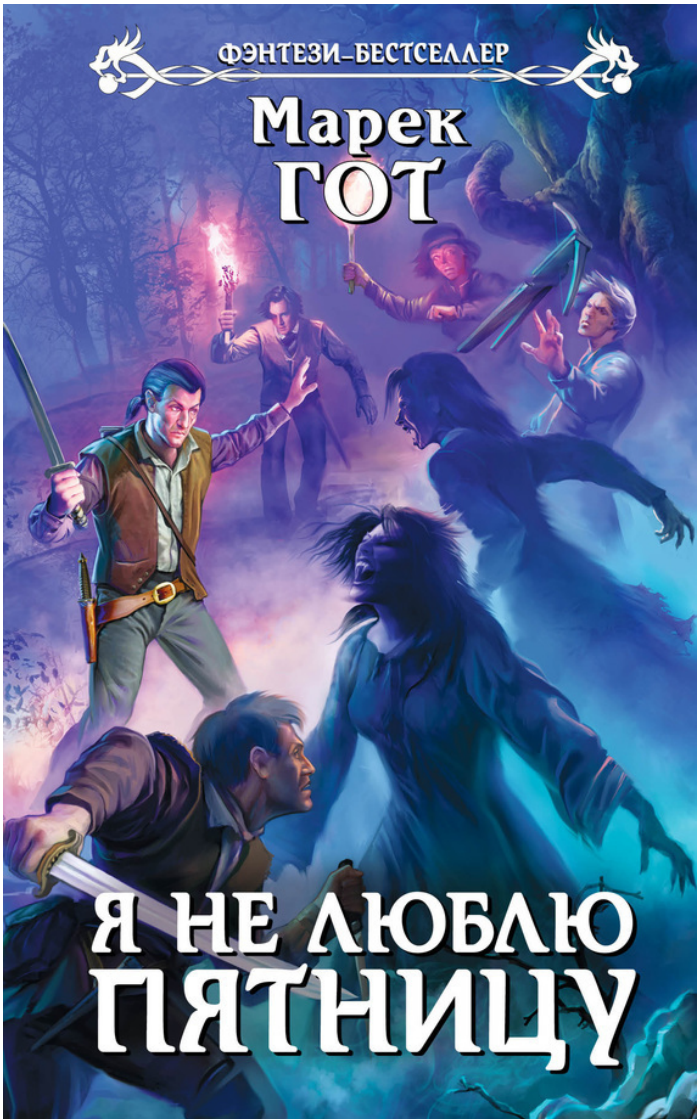
ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР
Марек
ГОТ
Я НЕ ЛЮБЛЮ
ПЯТНИЦУ

Марек Гот
Я не люблю пятницу

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8113198
Я не люблю пятницу: Эксмо; М.; 2014
ISBN 978-5-699-73832-8

Аннотация

Лимба – мир магии и машин…

Приговоренный к смертной казни беглый военный преступник Питер Фламм не любил пятницу. По пятницам с ним чаще всего случались неприятности. И надо же было такому случиться, что Виктор Карелла – самый богатый человек в Федерации Свободных Торговых Городов – появился в скромном баре «Овца и мельница» именно в этот день недели. Выпивка не интересовала мультимиллионера, зато очень интересовал Питер. Ведь после всеобщей войны, разрушившей на Лимбе двенадцать магических Врат, только тот, кому нечего терять, способен проникнуть в тайну единственного уцелевшего портала…

Марек Гот
Я не люблю пятницу

© Гот М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Не из-за суеверий, конечно. Да и особо выдающихся пакостей со мной по пятницам не происходило, насколько я помню. Просто мне не нравится этот крайне бестолковый и суетный день недели.

Когда все это началось, тоже была пятница. Я только-только заступил на смену и протирал кружки за стойкой. Вообще-то я мог этого и не делать – Юл, мой личный рабовладелец и напарник, к своим обязанностям бармена относился очень ответственно, так что вся посуда у нас просто сияла. Но, кроме этого привычного занятия, другой работы не было – ранним утром посетителей в баре обычно не очень много. Так что я лениво тер стаканы, размышляя о судьбах мира

вообще и о своей судьбе в частности. Между тем моя судьба стояла с другой стороны стойки и глядела на меня внимательными карими глазами.

– Полагаю, вы и есть господин Фламм…

Я чуть кружку не выронил от неожиданности. Он подошел тихо, как кот, и стоял здесь уже бог знает сколько времени. Кроме того, само обращение «господин» в баре «Овца и мельница» звучит нелепо, если не сказать издевательски, да и господином меня никто не называл уже давным-давно. Но самое главное, Фламм – это мое настоящее имя. Питер Фламм. Друзья могли бы называть меня Питом, если б у меня были друзья. Только вот друзей у меня не было, и сейчас меня звали совсем иначе. В документах я значился как Максим Лэн. Для Юла, его жены Марты, как и для всех постоянных посетителей бара, я был Максом, а других знакомых я себе пока не завел. Так что повод для неприятного удивления у меня был весьма серьезный – хоть война и закончилась, но приговор трибунала никто не отменял.

– Не понял, господин… Вы что-то заказали?

– Оставьте, Питер. Я знаю, кто вы. Я знаю о вас даже чуточку больше, чем вы сами о себе знаете, и уж, конечно, гораздо больше, чем вы хотели бы, чтобы я о вас знал. Заканчивайте дурака валять, и давайте поговорим как взрослые люди.

Поскольку в зале были только мы, я решил не устраивать представление под названием «закоговыменяпринимаетея-

честнаядевушка».

– Вы из военной полиции?

– Нет. Я вообще не из полиции. Я зашел в это заведение, чтобы предложить вам работу.

– Да ну! Неужели ребята из службы занятости забыли вычеркнуть мою фамилию из списка безработных? Надо будет написать жалобу господину бургомистру. Государственные служащие не должны так наплевательски относиться к своим обязанностям! Вы согласны?

Вообще я соображаю достаточно быстро, но все это было слишком уж неожиданно. Черт! Да я даже не предполагал, что меня кто-то будет искать. То есть, конечно, рассматривал такую возможность, но только чисто теоретически. Зная неповоротливость и тупость нашего государственного аппарата, я был уверен, что обо мне забыли еще до того, как тело сержанта Фламма было предано земле.

Зря, оказывается, я так думал…

Я внимательно рассмотрел посетителя. Худое некрасивое лицо с резкими чертами. Смуглая кожа. Черные прямые волосы. Аккуратная стрижка. Аристократический нос внушительных размеров. Карие глаза. Тонкогубый, желчный рот. Заостренный подбородок с заметным шрамом. Еще один, менее заметный шрам, под левым глазом. Ухоженная кожа, зубы ослепительной белизны и ногти с великолепным маникюром. По всем приметам – богатенький хлюст из Центра. На вид ему было очень хорошо за тридцать, хотя тут я мог

сильно ошибаться – он был весь такой ухоженный и чистенький, что становилось ясно – этот парень никогда ничего тяжелее бумажника в руках не держал. Почему бы при такой беззаботной жизни и не выглядеть чуть моложе? Одет он был в исключительно дорогой костюм и белую рубашку. Над запонками трудилась, наверное, целая бригада ювелиров, причем не одну неделю и в две смены. В общем, если продать парнишку с аукциона, то можно нанять небольшую армию и отправиться завоевывать мир. Кроме того – у него был галстук. Люди в галстуках не заходят в «Овцу и мельницу». Люди в галстуках предпочитают «Золотой империал», «Орла и оленя» или, на худой конец, «Три короны». Эти забегаловки расположены на главной площади возле городской ратуши, центрального банка и управления полиции. А «Овца и мельница» расположена в Среднем городе, в двадцати кварталах от Центра, и человек в галстуке может зайти сюда только случайно.

Или не случайно, как вот сейчас.

– Отказаться от этой работы я, по всей видимости, не могу…

– Точно. Предложения, от которых весьма затруднительно отказаться, – моя специализация. – Он внезапно улыбнулся и стал почти приятным человеком. Вот тут-то я его и узнал, хоть легче от этого мне не стало. Скорее наоборот.

Вряд ли во всей Федерации Свободных Торговых Городов нашелся хотя бы один человек, который не знал бы, кто та-

кой Виктор Карелла. Если бы он вдруг задумал основать какой-нибудь религиозный культ имени себя, то, уверяю вас, в адептах не было бы недостатка. Газетчики так просто обожали его. Для них он был всем – хлебом и зрелищами в одном лице. Редкий еженедельник выходил без описания очередного скандала с его участием. Он всегда делал то, что хотел, и плевал на закон, на Федерацию, на правительство, на короля, на церковь и вообще на всех, до кого только мог доплюнуть. Когда у человека много денег, то он становится сам себе государством. А денег у Виктора было очень много. Сколько точно, сказать никто не мог, да и сам он, пожалуй, не знал. Не уверен, что такие цифры вообще существуют. В той или иной степени он владел всем: производство стали, добыча серебра, алмазные копи, судостроительные верфи, шахты, доходные дома, оружие… Каким бы бизнесом вы ни решили заняться, рано или поздно вы бы обнаружили, что имеете дело с Карелла…

И этот скромный мультимиллионер стоял не в самом лучшем пивном баре Среднего города, лукаво улыбался и собирался сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться. Я даже предположить не мог, как он меня отыскал, но если отыскал он, то могут отыскать и другие.

И это будут вовсе не мои школьные друзья.

Признаться, я несколько расстроился – мне начинала нравиться спокойная жизнь бармена. С Юлом я играл в боулинг, и он уже заводил речь о возможном партнерстве; Марта кор-

мила меня вкусными обедами и мечтала женить хоть на комнибудь. Короче, жизнь удалась, и она была прекрасна.

Только закончилась как-то очень внезапно.

– В Фаро находится несколько тысяч безработных демобилизованных солдат. И любой из них за пару монет сделает все что угодно, вплоть до того, что продаст вам обе свои почки. Кстати, а как вы меня нашли?

– Мне не нужен любой. Мне нужен Питер Фламм. А нашел я вас с большим трудом. Даже с моими деньгами и связями это было очень сложно. Во многом мне просто повезло.

– Ага. Завидую вам, потому что в данном случае, видимо, не повезло мне. Но я так понимаю, что военной полиции пока можно не опасаться? И что же вам понадобилось от меня? Перерезать кому-нибудь глотку? Спалить фабрику конкурентов?

– Найти человека.

– Видимо, парень о-очень хорошо спрятался…

– Прекратите ерничать, Питер. Я вижу, что вы меня узнали, но на всякий случай представлюсь – Карелла. Виктор Карелла. – В своем имени он сделал ударение на последний слог. – Военной полиции действительно можете не опасаться, но думаю, что вы прекрасно понимаете – человек вроде меня может устроить человеку вроде вас такие неприятности, по сравнению с которыми военная полиция покажется избавлением.

– Может, вы не в курсе, но вообще-то меня должны пове-

сить по приговору трибунала. Это не очень похоже на избавление, правда?

– А это с какой стороны посмотреть. Знаете, Питер, вы зря осели в Фаро. Лучше бы вам жить по ту сторону гор. В Ле Корне до сих пор разыскивают Питера Фламма. Не очень многие поверили в то, что вас действительно повесили. Слишком уж темная была история и слишком уж поганая у вас репутация. За вашу голову даже назначена награда.

– Да? И сколько же?

– Пять тысяч. Золотом.

– Силы небесные! Да за такую сумму я и сам бы свою голову продал, если бы у меня была запасная. Однако по вашему виду не скажешь, что вы очень нуждаетесь в деньгах.

– Первое впечатление часто бывает обманчивым. Я очень жаден, а лишние пять тысяч еще никому не мешали. Так что в ваших интересах выслушать мое предложение. Если честно, то у вас просто нет другого выхода.

– Это почему же? К примеру, я могу сейчас свернуть вам шею и скрыться из города…

Его правая бровь удивленно поползла вверх.

– Вы серьезно полагаете, что в состоянии это сделать?

Нет, я так не полагал. Если уж он знал, где меня искать, то я не только не могу свернуть ему шею – я и дышу-то в долг. Люди его калибра не ходят без охраны по сомнительным пивнушкам, а с финансовыми возможностями Карелла он мог нанять в телохранители весь город. Виктор правиль-

но расценил мое молчание и ухмыльнулся:

– Давайте все-таки поговорим. Я заинтересован в ваших услугах, а вы заинтересованы в моих возможностях, хотя вам самому пока что об этом неизвестно.

– Ну что ж, валяйте…

Можно подумать, у меня был прям такой большой выбор.

* * *

Пробираясь между гниющих куч мусора, загромождающих улицы Нижнего города, я пытался наметить план своих будущих действий. То, что из города нужно сваливать как можно скорее, не вызывало ни малейших сомнений. Но выходило так, что сваливать было особо некуда. Хоть Фаро и крупный промышленный центр, но из него ведут всего три пути. На севере заканчивается граница Федерации. Дальше – королевство Эврифен. Оно не участвовало в войне, но это не значит ровным счетом ничего. Оно вообще ни в чем не участвует. Король Гилдрой последние двадцать лет страдает какой-то манией и поэтому въезд в королевство строго запрещен. Выезд тоже. Торговля ведется прямо на пограничной заставе. Пробраться в Эврифен – плевое дело, но первый же заяц, первая же белка или мышь донесет на меня патрулю и меня повесят. В лучшем случае. Обычно нарушителей границы там четвертуют. Так что на север мне не надо.

Если бы я отправился на восток, то попал бы в Леворт.

Это уже земли Айта, и оттуда открыт весь мир. Но в Леворт можно добраться только по тропе Норди, прорубленной цвергами прямо через хребет Фенрира. Нельзя ни свернуть, ни укрыться. Просто некуда. Я буду как муха на ладони – только ленивый не прихлопнет. Пристать к каравану я не могу в силу целого ряда причин, значит, нужно брать с собой припасы, фураж, воду, дрова – в пути не встретится ничего, кроме камней. Восточное направление тоже отпадает.

Стало быть, остается только запад. Два месяца назад в Тако-Ито даже стал ходить поезд. Первый после войны. Но на поезде, на лошади или пешком напрямик я смогу добраться только до Тако-Но и Тако-Ито. Это чуть больше, чем ничего. Дальше на запад – Чужие земли. Людей там не особо жалуют, а потому они там и не живут. Из Тако-Но и Тако-Ито ведет только один путь – вниз по Гьелль к морю Рифф. Плыть долго, да и перехватить меня можно в любой точке пути. Но если мои преследователи чуть замешкаются, то я успею миновать Черную топь, а может быть, даже и плавни. А на равнине Печали они меня уже хрен найдут. Там куча городов, городков, деревушек и поселков. Значит, мне надо на запад. Там хотя бы есть шанс проскочить.

Я был уверен, что мой внезапный работодатель не станет обращаться в военную полицию и вообще предпочтет обходиться без помощи государства. Но искать меня обязательно будет. Это уж – к гадалке не ходи.

А вообще-то Виктор был прав – зря я осел в Фаро.

Здание, к которому мы подошли, находилось на самом берегу Эсты. Снаружи оно больше напоминало разрушенный хлев на покинутой ферме. На приземистом заведении, вполне пригодном для проживания очень низких карликов, отсутствовала даже вывеска – только белый крест, намалеванный известью на стене. Внутри было гораздо хуже, чем можно себе представить. Высота потолка достигалась тем, что сразу от порога ступени спускались в некое подобие земляного котлована. Свет из крохотных грязных окошек пробивался откуда-то сверху. Продвигаться приходилось на ощупь, пока глаза привыкали к густому полумраку. Вонь стояла просто ужасающая – влажный речной воздух смешивался с запахами немытых тел, гниющей плоти, испражнений, блевотины и еще чего-то столь же отвратительного. Я не удивился, если бы пришлось раздвигать эту атмосферу руками только для того, чтобы добраться до единственного столика, стоявшего посреди зала. Он появился здесь явно только для нашей встречи: деревянные столы – слишком большая роскошь для баров Нижнего города. На мысль о том, что это именно бар, наталкивала импровизированная стойка – обтесанный валун, на котором в ряд стояли деревянные кружки. Но ни единой живой души в этой яме не было, что было очень-очень удивительно. Население Нижнего города превосходит по численности население Среднего и Центра вместе взятых. Жизнь тут начинается с захода солнца, а до этого времени большая часть жителей прячется по домам,

норам, ночлежкам и подобным заведениям. Да здесь сейчас должно быть человек сто как минимум. Но не было никого, даже хозяина. Отсутствие каких-либо посетителей и присутствие столика привело меня к мысли, что Виктор специально арендовал это место только для того, чтобы поговорить со мной.

Это открытие мне крайне не понравилось.

– Карелла, а вы не могли отыскать более гнусную дыру для нашего разговора? – Я старался дышать ртом, но это слабо помогало. Проклятая вонь, казалось, впитывается через поры тела.

– Нет. Ничего, более гнусного в Фаро не существует.

В первый момент я принял это за неудачную шутку, но, взглянув на собеседника, понял, что он и не собирался шутить. Это действительно была самая грязная, самая отвратительная забегаловка во всем Фаро.

– А могу я у вас спросить, почему мы пришли именно сюда?

– Можете. Только я вам не отвечу.

Ох и славная у нас выходила беседа.

– Итак. Вам доводилось бывать в Лиа Фаль?

Я промолчал – вопрос не требовал ответа. Впрочем, Виктор его и не ждал.

– Наверняка вы были и на месте Врат. Как вам там понравилось?

– Я видел кучи камней и побольше.

– Да, зрелище, прямо скажем, не впечатляет. Знаете почему?

– Всю жизнь мечтал узнать.

– Это ненастоящее место.

– Захватывающе. Может, вы пойдете и расскажете об этом еще кому-нибудь? Скажем, географическому обществу. Вам дадут красивую грамоту, которую вы приколотите на стену среди прочих регалий.

– Мне кажется, Питер, или вы действительно не хотите воспринимать меня серьезно?

– Вам кажется. В последний раз я настолько серьезно воспринимал только гробовщика, который снимал с меня мерку перед казнью. Но вы мне не нравитесь. Наверное, не очень дипломатично говорить об этом человеку вроде вас, но что уж поделаешь… Вы внезапно появились и угрозами пытаетесь навязать мне работу, о которой еще не сказали ни слова… Вы не думаете, что это не лучший способ заводить себе друзей?

Виктор некоторое время помолчал, а затем сказал:

– Да, вы правы, наверное. Заводить друзей мне никогда не удавалось. – Он достал из кармана тусклый медный жетон и положил его на крышку стола. – Возьмите. Это ваше.

Жетон я узнал сразу, но на всякий случай спросил:

– Это что?

– Это ваши новые старые документы. Теперь вы снова Питер Фламм. С вас сняты все обвинения, вы восстановлены в

звании и можете получить все причитающиеся вам ветеранские выплаты. Куча денег, между прочим.

– Да вы что, смеетесь? Я с этим жетоном и до конца улицы не дойду, если кто-нибудь узнает о герцоге и пяти тысячах.

– Вы очень нехорошо думаете об этих честных отбросах общества. Подавляющему большинству из этих негодяев абсолютно начхать на жизнь всяких богатых ублюдков вроде меня или покойного де Мена. Ко всему прочему, немногих сторонников герцога, которые объявили награду, полтора месяца назад перевешали, обвинив в государственной измене. Ле Корн все еще находится под юрисдикцией Федерации. Что же касается Среднего города, то полагаю, что вас там угостят пивом, если узнают. Герцога де Мена не очень любили его подданные, его даже собственная жена не любила, не говоря уж о жителях Фаро. Он тут, знаете ли, немного набедокурил. Вырезал половину города, когда захватил его восемь лет назад. У него тут были личные счеты, вот герцог и решил расплатиться под шумок. Кого во время войны интересовали такие мелочи? Нужно было вам хоть справки навести, что ли…

Я этого не знал. В то время я был по ту сторону гор и гораздо южнее. Туда плохо доходили новости.

Мы еще немного помолчали, и потом я сказал:

– Может, хватит тянуть кота за хвост? Что за работу вы хотите мне предложить? Только излагайте вкратце. Если у меня появятся вопросы, я вам их задам.

– Хорошо. Но мне кажется, что вопросов у вас будет много. Итак, как я уже сказал, куча камней в Лиа Фаль – это не настоящее место Врат. Но настоящие Врата находятся где-то там – возле Лиа Фаль…

– На хрена вы мне это рассказываете?

– Вы хорошо знакомы с историей Лимбы?

– Только с военной. С остальной – в общих чертах.

– Тогда слушайте и помалкивайте. Я постараюсь быть кратким. До восстания Ле Пена на Лимбе существовало двенадцать Врат. Может, и больше – это не главное. Главное то, что все эти Врата были, так сказать, местного значения – навроде порталов, которые мастерят наши колдуны. Да по сути это и были порталы, только гораздо мощнее. Во время восстания все эти порталы были уничтожены. Все, кроме одного…

– Дайте угадаю. В Лиа Фаль?

– Да. Портал в Лиа Фаль был главными Вратами. Он вел в то место, откуда выслали наших предков.

– Это просто замечательно, но пока я ничего не понимаю.

– Всему свое время. Для работы порталов нужна была энергия. Очень много энергии. Запас такой энергии хранился на каждой базе, при которой находился портал. Так называемые энергоячейки. При взрыве эти ячейки были уничтожены…

Виктор замолчал и выжидательно уставился на меня. Я тяжело вздохнул:

– Кроме ячеек в Лиа Фаль. Задачка, конечно, тяжелейшая, но я парнишка смышленый. Вы собираетесь их отыскать?

– Именно.

– А вы уверены, что эти самые ячейки уцелели?

– Конечно уверен. Врата должны были быть ликвидированы при детонации ячеек. Так что они до сих пор там, понимаете? Там! У портала!

– Да мне-то что с того?

– Вы хоть представляете, сколько они могут стоить?

– Понятия не имею. И, кстати, понятия не имею, на кой ляд они ВАМ понадобились.

– Мне? – Карелла всем своим видом изобразил бескрайнее удивление. – Мне они не нужны. Но они нужны многим другим людям.

– Это кому, например?

– Боже ты мой! Да всем! Колдунам. Промышленным корпорациям. Правительству.

Я задумался. С тех пор как вышел указ, запрещающий использовать полезные ископаемые для производства магической энергии, нашим волшебникам приходилось туго. Поговаривали, что Гильдия магов даже выкупила участок на реке Боанн и собирается строить там электростанцию. Пока ведут сбор средств. Если это и правда, то сбор никогда не закончится, хотя каждый из членов Гильдии мог бы построить эту станцию и на собственные средства. Однако колдуны на-

столько жадный народ, что без зазрения совести стащат монетку из чашки у слепого. Куда уж им, жлобам, добровольно свои денежки сдавать. Промышленникам тоже не помешает лишняя энергия, особенно на тех фабриках, где производят всякие магические примочки. Да и колдунов работает на них немало. И, наконец, какое же правительство откажется от огромного запаса энергии? Готовый арсенал на случай войны, причем весьма компактный. Да и не на случай войны тоже пригодится – соседей припугнуть, чтоб сговорчивее были. Опять же – для развития экономики. Между колдунами и промышленниками идет непрекращающаяся свара – кому достанется производимая энергия. При этом каждая из сторон хочет получить все, чтобы другой не досталось ничего. На честный дележ никто не согласен.

Вообще, в магическую энергию можно преобразовать все что угодно. Это самое первое и самое главное, чему учат начинающих колдунов. Можешь преобразовать – добро пожаловать в Гильдию. Нет – до свидания, будь у тебя хоть способности, как у легендарного Станко Томэ. Своей энергией с тобой никто делиться не будет. Так что Виктор был прав – энергоячейки нужны всем. Но его построения были слишком уж приблизительны. Главные Врата могли находиться не в Лиа Фаль, их могло вообще не быть. Они могли быть среди взорванных порталов или вообще где-нибудь в другом месте. А даже если Виктор и прав, то за последние несколько сотен лет эти ячейки могли поломаться, разрядиться, да

с ними черт знает что могло произойти… В конце концов, может быть, их вообще не существует, а Виктор – свихнувшийся эксцентричный богатей. И это только те возражения, которые мне пришли в голову сразу. Если раскинуть мозгами, то отыскался бы еще с десяток других.

Нарушил мои размышления Карелла.

– Я по вашим глазам вижу, что вы думаете. А думаете вы примерно следующее – Виктор свихнулся, не существует никаких энергоячеек. Их могли хранить в другом месте, портал могли уничтожить другим способом и все такое. Я знаю десятки таких «но». Но… – он наклонился ко мне. – Я ищу их всю жизнь. До этого их искал мой отец, а начинал искать еще мой дед. Именно они собрали все уцелевшие архивы и документы. Все до последнего клочка. Я не рассказал вам всего, что знаю, но поверьте мне – они там. Я знаю об этом почти все. Лишь один человек на Лимбе знает об этом больше, чем я. И этого человека вы должны отыскать.

– А почему именно я?

– Видимо, я не совсем точно выразился. Отыскать этого человека нельзя до тех пор, пока он не захочет, чтобы его отыскали. К сожалению, моя скромная персона ему неинтересна. Я могу гоняться за ним остаток своей жизни, а он будет лишь посмеиваться. Вы – другое дело. Я не говорю, что он обязательно заинтересуется вами, но вероятность этого очень высока.

– Значит, я буду чем-то вроде приманки?

– Ага. Чем-то вроде.

– И в чем же заключается секрет моей привлекательности?

– Пока я не могу вам этого сказать. К тому же вы все равно мне не поверите и лишь укрепитесь в мысли, что я сошел с ума.

– Вы все же попытайтесь. А то как-то неловко получается – я такая важная персона, но даже не представляю – почему.

– Что ж, хорошо… Только помните, что вы сами об этом попросили. Это ваш отец.

Сразу стало как-то очень грустно.

– Мне очень неприятно говорить вам это, Виктор, тем более что это должен говорить вам не я, а ваш психиатр… Вы сошли с ума. Мой отец умер почти четверть века назад, и я присутствовал на его похоронах.

– Я же вас предупреждал… Давайте будем считать, что я ничего не говорил. Лучше считайте меня сумасшедшим – мне плевать. Я предлагаю вам работу и оплату в размере десяти монет в день. Кормежка за мой счет. Я знаю, что Юл Жарр платит вам три монеты в неделю. Для вас мое предложение – прямая выгода.

Это действительно было так – пошляться по просторам Федерации, получить кучу бабок и вернуться к Юлу. Можно будет купить «Поросенка и соловья» – Юл давно об этом подумывает, но хозяин «Поросенка» просит слишком большую цену.

В общем, дельце выглядело выгодным. Даже слишком выгодным. Слишком-слишком выгодным, чтобы быть таковым.

– Учтите и свою долю от продажи ячеек. Если у нас все получится и если мы останемся живы, то вы станете одним из богатейших людей Федерации…

– Стоп. Вот с этого места поподробнее, пожалуйста. Как это «если останемся живы». У меня сложилось впечатление, что я должен всего-навсего найти этого человека, которого вы считаете моим отцом. Причем найти его я смогу, только если он этого захочет. Не захочет – не найду. Все предельно просто. Чего вы недоговариваете? Да и почему я вообще должен вам верить? Мы знакомы меньше суток, а вы уже, между прочим, обманули меня как минимум один раз.

– Я не обманул, а просто не сказал всей правды.

– Вы даже не представляете, как мне сразу полегчало. Выкладывайте, какие гадости меня ожидают в грядущем.

Виктор замялся. Сообщать неприятные новости ему явно не хотелось. Наконец, решившись, он коротко произнес:

– Поиски веду не я один.

– Понятно. – На самом деле мне было абсолютно ничего не понятно, причем чем дальше, тем непонятнее. – И кто же ваши конкуренты?

– Как я уже и говорил – колдуны. Правительство. Промышленные корпорации.

– Да вы действительно эксцентрик, Карелла…

– Простите? – Виктор выглядел удивленным.

Я сплел пальцы, потянулся до хруста в костях и снизошел до пояснения:

– Эксцентрик. Это такой эвфемизм, означающий, что вы просто свихнувшийся псих.

Мой собеседник довольно громко хмыкнул:

– Я знаю, кто такие эксцентрики, но… Вообще-то в моем обществе меня считают чудаком и оригиналом…

– Ага. Еще один эвфемизм, означающий то же самое. Если бы у вас было поменьше денег, то сейчас вашими чудачествами наслаждались бы санитары муниципальной лечебницы Святой Розы. В Фаро оригиналов содержат именно там.

– Но почему…

– Наверное, потому, что там толстые стены, крепкие решетки и умелые доктора.

– Я не о том. Почему вас так… шокировало это известие? Я же только что говорил вам…

– Пока это было в теории, меня это мало волновало. Что же касается практики… Карелла, у вас действительно все извилины на месте? Неужели вас хоть на секунду могла посетить мысль, что я объявлю войну нашему правительству, а уж тем более колдунам? Я не страдаю излишней симпатией к богатеньким кровопийцам вроде вас, презираю наше правительство и на дух не выношу колдунов. Но даже при таком раскладе я не собираюсь с ними ссориться. Лучше уж я подпишу контракт и отправлюсь на восток отлавливать драконов для зоопарков и бродячих цирков. Спокойная, безопас-

ная работа. Похороны и протезирование за счет фирмы. Если повезет, то я смогу протянуть целый год, а то и полтора.

– Успокойтесь, Фламм. Оставьте это представление для других.

– Это для каких других?

– Для таких, которые посетят вас после моего визита.

– Ну что ж, излагайте. Правда, я подозреваю, что этот рассказ мне понравится гораздо меньше предыдущего.

– Постараюсь вас не разочаровать. Опуская все ненужные детали, скажу только одно – произошла утечка информации. Как и когда – уже неважно. Слишком много людей было задействовано для поисков. Платил я всем хорошо, но кому-то, видимо, недостаточно хорошо. Первыми про это пронюхали наши капиталисты – что-что, а разведка поставлена у них как надо. Потом зашевелилось правительство. Политики услышали о большом куске пирога и забеспокоились, что его съедят без них. Последними в игру включились колдуны. Вы же знаете эту публику – кроме собственных персон, их мало что интересует. Но как только они услышали об энергии, то забегали, как муравьи в горящем муравейнике. Именно по их суматошным действиям я и догадался, что существование энергоячеек – секрет Полишинеля.

– Это все или есть еще кто-то?

– Есть и еще. Скажем так – оппозиция нашей полиции… Конкуренты, так сказать…

– Бандиты.

– Они начали поиск последними, но у меня серьезные подозрения, что информация ушла именно через них.

– Им-то на кой черт это надо?

– Деньги. У них нюх на прибыль.

– Плохо.

– Погодите, вы еще всего не знаете. Как только я обнаружил, что больше не являюсь эксклюзивным владельцем информации, я сразу задействовал всю сеть своих шпионов, чтобы иметь наиболее полную картину происходящего. Вот что удалось выяснить. В правительстве Федерации создана некая секретная группа, которая занимается… Черт их знает, чем они занимаются. Информации у них практически никакой нет. В основном они следят за мной, надеясь, что я их куда-нибудь выведу. Колдуны до сих пор грызутся между собой. У них там просто клубок змей. Они не доверяют друг другу, но в то же время понимают, что в одиночку никому ничего не удастся сделать. Пока есть только две ярко выраженные коалиции. В первую входит тройка сильнейших – Александр «Дракон» Стерн, «Скала» Зорбо и Ольга «Ветерок» Новак. Как вы можете заключить из имен, все принадлежат к различным школам магии, поэтому за каждым из этой троицы стоит куча помощников из «своих». Вторая группа включает в себя дюжину аутсайдеров, имена всех не помню. Эти объединились скорее от безысходности. Они прекрасно понимают, что если победит первая коалиция, то им мало что светит и в магии, и вообще в жизни.

Пока, к счастью, они больше занимаются выяснением отношений, чем поисками. Ну и, наконец, организованная преступность. О существовании ячеек пока знает только семья Большого. Но это, как вы понимаете, только вопрос времени. Неделя, много – две, и об этом будут знать все шесть семей. Я надеюсь, что у них тоже начнется довольно жесткая конкуренция, а эти ребята не привыкли подыскивать деликатные методы. Самыми серьезными конкурентами являются промышленники. Четыре самые крупные корпорации создали свою поисковую группу. Эти подошли к вопросу основательнее. Они подписали договор, в котором четко указали, на какую часть добычи может претендовать каждая из групп. Там работают профессионалы. Никакой суеты. Сейчас вербуют агентов в разных городах, проводят изыскания и приглядывают за мной. Мы беседуем с вами именно в этой гнусной дыре, потому что это, наверное, единственное место, где нас никто не подслушает…

– Какая, черт возьми, трогательная забота!

– Не понял?

– Да черта с два ты не понял, сукин сын! Ты меня через весь город тащил для того, чтобы ни у кого даже сомнений не возникло, кого именно ты разыскиваешь?

У меня прямо руки чесались свернуть этому подонку шею, но это навряд ли явилось бы выходом. Поэтому я просто постарался успокоиться.

– Вы собираетесь принуждать меня к этой работе силой?

– Я? Нет, но…

– Тогда прощайте.

– Вы получите кучу денег…

– …и стану самым богатым покойником во всей Федерации.

– А не хотите узнать, что вы получите кроме денег?

– Нет, не хочу.

– Даже из любопытства?

– Любопытство сгубило кошку.

– А из чувства благодарности? Все-таки я восстановил ваше честное имя, и это, по крайней мере, невежливо.

– Да я вообще не особо вежливый человек.

И я вышел на улицу, оставив Виктора сидеть в этом ужасном смраде.

* * *

Вначале я хотел пойти прямо в «Овцу и мельницу», но потом решил зайти и пропустить пару пива в спокойном месте. Виктор заплатил Юлу за мою отлучку столько, что я мог бы с чистой совестью не ходить на работу еще месяц. Так какого дьявола – устрою себе выходной. Тем более что десять монет «за потраченное время» звенели и у меня в кармане. Заходить в бары Нижнего города было небезопасно, поэтому я сразу направился к незримой границе, отделяющей трущобы от Среднего города. Когда оставалось пройти всего квар-

тал, кто-то тронул меня за плечо. Человек в черном костюме протянул клочок бумаги и, почти не разжимая губ, произнес:

– Они придут за вами. Когда это произойдет, позвоните по этому телефону.

Его тень растворилась в переулке прежде, чем я успел раскрыть рот. У Виктора была хорошая охрана.

Бумагу я сунул в карман рубашки.

Я был порядком зол. На Виктора, на себя, на Юла, в конце концов. Он мог бы и не отпускать меня с работы. Разговор с Карелла выбил меня из привычной колеи. Я одновременно и верил ему и не верил, а поэтому чувствовал себя полным идиотом и к тому же каждой клеточкой тела чувствовал, что меня используют втемную. Виктор сказал мне далеко-далеко не все, что знал. Я шел, разговаривая сам с собой, придумывая все новые и новые возражения для отсутствующего Карелла, и так увлекся этим занятием, что не заметил, как очутился в Среднем городе. И сразу же почувствовал неладное. Знакомый холодок опасности появился где-то в районе солнечного сплетения и тихонько пополз вверх, поднимая волоски на коже. Я резко сбросил скорость и некоторое время неспешно дефилировал посреди улицы. Благо, экипажи в этом районе почти не ездят; а людей было хоть и больше, чем в Нижнем, но все равно довольно мало. Прошагав так пару кварталов, я аккуратно и медленно обернулся. И сразу увидел его, потому что не заметить ЭТО было невозможно. Он явно не был человеком Виктора. Совсем уж меня нужно

было не уважать, чтобы в качестве шпика приставить такого болвана. Если бы он вырядился в карнавальный костюм зеленого зайца на ходулях, на него и то меньше обращали бы внимания. А так – даже бродячие собаки глядели с участием. Почему-то на Виктора, который тоже был в костюме, не оборачивались так часто.

На той же скорости я двинулся к «Овце и мельнице», периодически оглядываясь – не появится ли еще кто-нибудь. Никто не появился. Когда в конце улицы замаячила знакомая вывеска, я резко свернул влево и зашел в кабак, на вывеске которого красовался то ли окунь, то ли карась, то ли какая-то другая рыба. Показал бармену два пальца и уселся за первый столик лицом к двери. Мой провожатый не заставил себя долго ждать. Правда, его прыти заметно поубавилось, когда я, приветливо улыбнувшись, похлопал ладонью по свободному стулу. Десять шагов, разделявшие нас, он прошел минуты за две, делая вид, что высматривает кого-то в зале. Поскольку в зале никого, кроме меня, не было, то его попытка закончилась неудачей. Тяжело вздохнув, он опустился на стул и сразу же схватил кружку пива, которую я подвинул.

– Ну, – сказал я, – и что все это значит?

– Вы о чем?

– Брось, парень. Ты тащился за мной с самой границы Нижнего. Вот я и хочу узнать, зачем ты это делал, потому что, судя по твоему костюму, между тобой и мной не может

быть ничего общего. В принципе не может. Так что давай – облегчи душу. Расскажешь правду – выйдешь отсюда сам. Будешь юлить – вынесут на носилках.

Нельзя сказать, чтоб я говорил серьезно. Так, припугнул на всякий случай. Но на парнишку мои слова произвели потрясающее воздействие. Причем «потрясающее» в буквальном смысле этого слова – его затрясло так, что он расплескал почти все свое пиво, а лицо мгновенно стало белым, как простыня.

– Я… мне… он сказал… господин Буковски сказал… – тут же поправился он.

Ага. «Он». «Буковски». Давид Буковски. Господин бургомистр. Вряд ли он решил мне отомстить за то, что я не голосовал за него на прошлых выборах.

– Ну-ну… поспокойней, парень. Я вижу, что тебе не терпится все рассказать, но ты не торопись так. У нас куча времени. – Я старался говорить как можно спокойнее и миролюбивее. – Посидим, выпьем, познакомимся поближе. Тебя как зовут?

– Дэн… Дэниел.

– Ну и отлично. Бармен! Двойной бренди для моего приятеля Дэниела. Ну и мне тоже захвати.

Когда мой приятель Дэниел судорожными глотками влил в себя половину порции принесенного напитка, ему заметно полегчало. Во всяком случае, руки у него тряслись уже не так сильно, и цвет лица постепенно стал приходить в норму.

Я ждал. Сейчас парень должен был разговориться.

– Вы меня простите, господин Фламм (ого! Как оперативно все. Я и Фламмом-то стал меньше часа назад), я немного разнервничался. Я сам из Альбы… – Заметив, что мне это не говорит ни о чем, он пояснил: – У нас до сих пор рассказывают, как капитан Фламм с шестью солдатами сражался с целой армией, а потом с боем прорвался сквозь весь город.

Вспомнил. Это было во второй год войны и армии там никак не набиралось – максимум две роты болванов. Четверо из моих людей остались на том холме навсегда. Сквозь город мы не прорывались с боем, а бежали, стараясь не оглядываться. Дэниелу я не стал об этом говорить. Пусть считает меня героем.

– Будет-будет, Дэн… Можно тебя называть Дэном? Вот и хорошо. Я ничего не имею против жителей Альбы. Просто тогда шла война, и так уж получилось. Сейчас война закончилась, и никто никого не собирается убивать. Без особых причин не собирается. Так что ты говорил о господине Буковски? Что он приказал тебе?

Дэн с шумом втянул в себя остатки бренди, и я сразу сделал знак бармену повторить.

– Господин Буковски сказал, что вы сегодня будете встречаться с одним человеком. Такой высокий, худой и смуглый. А после этого я должен был посмотреть, куда вы пойдете, и сказать об этом мистеру Буковски. Вот и все. Я правду говорю, господин Фламм.

Выходила какая-то чушь. Дэвид Буковски знал, что я встречаюсь с Карелла, и не знал, куда я потом направлюсь. Зачем ему это знать и куда я вообще мог отсюда направиться, кроме как в «Овцу и мельницу»? Что-то было не так. Этот Дэн чего-то недоговаривал.

– Знаешь, Дэниел, мне почему-то кажется, что ты врешь. Ну, или, по крайней мере, что-то скрываешь. Собственно говоря, это не мое дело, но на всякий случай учти, что в следующий раз такой милой беседы у нас с тобой не получится. Я, видишь ли, не очень люблю людей, которые держат меня за дурака. Такая вот у меня слабость организма.

Дэниел раздумывал недолго. Он для вида похрустел пальцами, но я уже знал, что он скажет. Нужно отдать должное – моих ожиданий он не обманул, хоть и не особо рвался рассказывать все и сразу. Кроме того, весь показной испуг каким-то образом осыпался с него пустой шелухой. Чудеса отваги он пока не выказывал, но по крайней мере перестал трясти гузкой без повода.

– Я могу спросить, о чем вы говорили с Карелла?

Я вспомнил улыбку Виктора и с удовольствием ответил:

– Можешь. Спрашивай.

Дэн уставился на меня, и вид у него был весьма озадаченный.

– Ну так и о чем же вы говорили с Карелла?

– Не твое дело.

Он тяжело вздохнул и сдался:

– Он рассказал вам о батареях?

– Ну, он мне много чего рассказал. Просто я еще не понял, где в его рассказе заканчивается бред сумасшедшего и начинается откровенное вранье.

– Не все так просто, господин Фламм. Карелла верит, что эти батареи существуют. Значит, и мы должны учитывать такую возможность. Так он рассказывал вам о батареях?

– Он называл их энергоячейками.

– Суть от этого не меняется. Если их нет, мы ничего не теряем. А вот если они есть, то лучше, чтобы они были собственностью правительства Федерации. Вы представьте только, что будет, попади они в руки колдунов. Эти упыри и так уже почти неуправляемы. А в руки других правительств? Последняя война истощила Федерацию, а наши соперники жаждут реванша. Вам нужна новая война? Еще лет на десять?

– Ну а сам Карелла? Промышленники? Бандиты, в конце концов?

– Можете добавить сюда и королевскую семью. Карелла еще не знает об этом. Наш слабоумный королек тоже включился в охоту. Желает возродить былое величие знати. Что же касается перечисленных групп, то я скажу так – все они торгаши. Каждый из них ради сиюминутной выгоды готов разрушить государство, которое мы выстраивали несколько сотен лет. Вы разумный человек и должны понимать – для всех будет лучше, если батареи будут принадлежать прави-

тельству.

С одной стороны, он был прав. Но с другой – не нужно быть гением, чтобы предсказать действия нашего правительства, получившего неограниченный запас энергии. Оно обложит промышленников грабительским налогом, скрутит колдунов в бараний рог и тут же развяжет новую войну за острова Блаженных, которые так и остались свободной территорией.

– Видите, я с вами абсолютно откровенен. И того же ожидаю от вас. Я знаю… мы знаем, что вы зачем-то нужны Виктору. Я не сомневаюсь, что Карелла предложил вам очень большое вознаграждение, но Федерация может предложить не меньше. Кроме того, мы можем предложить защиту. Как вы думаете, Карелла станет защищать вас от мафии? Даже если бы и захотел – у него нет необходимых связей. У нас они есть. Престиж правительства за время войны сильно упал, но не нужно нас недооценивать. Ведь именно правительство вернуло вам ваше имя, звание, вернуло вам, не побоюсь этого слова, вашу жизнь. Но мы можем так же легко это и забрать. Все, включая жизнь.

Вот гаденыш. Такую песню испортил. Видимо прочитав мои мысли, Дэн продолжил:

– Простите меня, господин Фламм. Я знаю, что вы не тот человек, которому можно угрожать или которого можно шантажировать… но у меня есть начальство, которое придерживается иного мнения. Так как? Вы согласны с нами со-

трудничать?

– Господи, Дэн, да где ты таких слов набрался? «Сотрудничать»… Ты что, меня в тайную полицию вербуешь? Кроме того, я слабо понимаю, что от меня требуется. Где находятся эти ваши батареи, я не знаю, работать на Карелла тоже отказался… Кстати, а какой мне резон работать на вас? Что я с этого буду иметь?

– Вас устроит небольшой замок в любом месте по вашему выбору и пожизненная рента в размере десяти тысяч годовых? Золотом, естественно. По желанию можете получить титул с правом наследования и министерскую должность. Ну и не забывайте о защите от прочих соискателей.

– И что же я должен делать?

– Согласитесь работать на Карелла. Отыщите место, где находятся батареи, если они вообще существуют. Дайте знать нам. Все.

– Думаю, что Карелла не согласится.

Дэн задумчиво пожевал губами и медленно, подбирая слова, произнес:

– Полагаю, что господин Карелла… э-э-э… он скоро покинет нас. Право, мне очень жаль, но, к сожалению, другого выхода нет. С остальными мы сумеем договориться, но Виктор не согласится ни за что – он ищет их всю жизнь. И отец его, кажется, искал…

– Ну а если он согласится продать эти ячейки правительству?

Он рассмеялся:

– Это Карелла вам так сказал? Не верьте. Никому он ничего не продаст. Зачем ему что-то продавать, если, имея батареи, он сможет диктовать свои условия всем.

Я дипломатично промолчал. Мы посидели так еще некоторое время. Однако главное уже было сказано, а никаких других тем для разговора не было. Я злорадно наблюдал за Дэниелом, который извертелся на стуле, как ребенок, которому приспичило пописать. Наконец он не выдержал и с извиняющимся видом приподнялся со своего места.

– Господин Фламм…

– Конечно иди, Дэн… Государственные дела не будут ждать.

– Ну-у… Что мне все-таки передать господину Буковски? Вы согласны?

У меня хватило ума ответить «да».

* * *

За стойкой меня ждал мрачный Юл.

– Где тебя носило? Являешься на смену и уходишь через три минуты с концами. Где Макс? Нет Макса. И никто, заметь – никто, не знает, где этот чертов Макс околачивается. Я что, в секретари к тебе нанимался? Какого черта я должен всем объяснять, что…

Юл мог молоть языком часами. Один или в компании. От-

сутствие собеседника его никогда не смущало. Сам он говорил, что заработал эту привычку после того, как прожил на необитаемом острове два года три месяца и двадцать один день. Это вполне могло быть правдой – в молодости Юл ходил по морю Рифф под черным флагом и помогал государству грабить торговцев.

Правда, его методы несколько отличались от государственных.

Владельцем бара он стал после того, как лишился ноги при неудачном абордаже. Потеря любой из конечностей, кроме головы, в этой почтенной профессии никогда не считалась достаточным основанием для выхода на пенсию. Однако Юл владел четвертью акций корабля, что значительно упрощало дело. Он отдал свою долю команде в качестве откупного, а сам, забрав Марту и свои (далеко не скромные) сбережения, двинулся на север, пока не осел в Фаро.

Все это Юл рассказал мне в день нашего знакомства, когда я впервые забрел в «Овцу и мельницу», чтобы выпить кружку пива. Сразу после этого он предложил мне стать его компаньоном в покупке еще одного бара, а когда я посетовал на отсутствие денег и работы, сразу же взял меня работать барменом. Ни он, ни я не жалели об этом.

До сегодняшнего дня.

– …и всех клиентов распугал. Так что ты разберись с ним. Сразу предупреждаю – если разговор долгий, то валите на улицу.

Я взглянул в направлении пальца Юла и сразу же понял, о ком он говорил. Незнакомец тоже увидел меня и приветственно помахал рукой, приглашая за свой стол. Я тяжело вздохнул и посмотрел на Юла. Странно, но он от этого взгляда как-то сразу сник, отвел глаза в сторону и махнул рукой – иди, дескать.

Народу в зале было пока что не очень много – слишком рано. Дюжина гномов, сдвинув два стола, азартно резалась в карты. Два цверга сидели за дальним столиком, окруженном толпой. Я знал, что они букмекеры, хоть сам никогда не играл на бегах. Еще с десяток посетителей сидели там и сям в зале. Все были местными, и всех я знал. Наконец я подошел к нужному столику и уселся напротив мужчины с веселым лицом и довольно широкими плечами. Издали он показался мне значительно меньше.

– Привет. Костюмчик не жмет?

Он тут же радостно осклабился:

– Привет, Питер. Есть немного. Никак не могу привыкнуть к этой ливрее. Особенно к ошейнику. – Он ткнул пальцем в узел галстука. – Веришь, в зеркале себя не узнаю…

– Весьма сочувствую. Прям слезу вышибает такая преданность профессии. Но давай я тебе свое восхищение выскажу как-нибудь потом, а сейчас говори-ка лучше ты. Сначала назови свое имя.

– Свен. Свен Якобсон. Мы вообще-то встречались. Под Фортенсбергом. Сомневаюсь, что ты меня запомнил – я был

молодым лейтенантиком, едва из Академии.

Память человека – странная штука. Уж что-что, а Фортенсберг я помнил хорошо. Но Якобсона не помнил и не помнил сам бой вообще. Черное поле на месте рощи. Жар углей, по которым мы ползли, стараясь укрыться от слепящего света файерболов. Факела, в который превращался человек, после попадания такого огненного шара. И главное – запах. Запах горящей человеческой плоти.

Якобсон был там и выжил. Для меня это кое-что значило.

– Под Фортенсбергом была куча людей. Большая часть из них потом стала мертвыми. Извини, Свен, но я тебя не помню. Переходи к делу.

– Хорошо. Я думаю, ты догадываешься, что я здесь для того, чтобы сделать тебе предложение…

– Знаешь, я еще не готов связать себя узами брака. И уж тем более с тобой. Ты не в моем вкусе.

Якобсон закинул голову назад и захохотал так громко, что даже гномы притихли и заоглядывались на наш столик. Я начал понимать Юла.

– Пожалуйста, потише, Свен. Продолжай.

Якобсон посмотрел по сторонам. Смущенно покашлял в кулак и продолжил уже вполголоса:

– Я не стану ходить вокруг да около. Меня послала группа людей…

– Да чего там, говори уж прямо – финансовых воротил. Промышленных магнатов.

– Ну, не только. Их там пятеро. Трое – да, промышленники. Еще двое – банкиры.

– Я слышал только о четырех.

– Последний появился вчера. Флинк Тимтай – банкир из Марракеша. Может, слышал?

– Нет. Но не думаю, что это важно.

– Они весьма обеспокоены поисками Виктора Карелла. Они знают, что ты каким-то образом с ним связан. Они заинтересованы в том, чтобы нанять тебя.

– Они… Они… А ты-то каким боком к ним относишься? Ты не похож на банкира.

– Я-то? – Он усмехнулся, но уже не так весело: – Я – начальник одного из отделов разведки корпорации господина Клэма. Отличная работенка для отставного майора.

Господин Хорст Клэм еще до войны был крупнейшим производителем консервов во всей Федерации. За время войны он приписал к своему состоянию несколько нулей, поставляя просроченные продукты армии. Даже не знаю, кто больше потрудился над уничтожением наших солдат – королевичи или господин Клэм.

– Ну и как там, у Клэма?

– Не знаю. Мне сравнивать не с чем. Платит он хорошо, а для меня это главное. Детей надо кормить.

– Ну и чего от меня хотят твои хозяева?

При слове «хозяева» щека у Якобсона дернулась, но голос прозвучал ровно:

– Они хотят, чтобы ты раздобыл батареи для них. Указал место. Цена, сказали они, значения не имеет.

– Щас я их разочарую до невозможности. Я не знаю, где находятся эти чертовы батареи.

– Тогда… – Свен старательно изучал свои ногти, – тогда они хотят, чтобы ты шлепнул Карелла.

Бедный Виктор. Никто его не любит.

– Не понял. А это еще зачем?

– Они боятся, что Виктор продаст батареи Гильдии колдунов.

– Свен, Виктор тоже не знает, где эти батареи. Он ищет. Для этого ему нужен я. Он уже предложил мне работу.

– Какую?

Меня начали одолевать сомнения. Не спишут ли меня на берег сразу вслед за Карелла?

– Это неважно. Я все равно отказался.

Якобсон помолчал лет сто, тяжело вздохнул, убрал со своего лица улыбку и тихо заговорил:

– Я не должен тебе этого говорить. Если хоть кто-то об этом узнает, то я стану покойником. Если хоть кто-то заподозрит – я стану покойником. А у меня дети. Три девочки. Их мать погибла, и, кроме меня, у них нет никого, а у меня нет никого, кроме них. Но я тебе кое-что задолжал, сержант. Свою жизнь. Там, под Фортенсбергом, ты меня спас. Потому я и согласился идти на эту встречу. Чтобы предупредить. Им до чертиков нужны батареи, но еще больше им надо, чтобы

они не попали в другие руки. Поэтому Карелла должен умереть. До вчерашнего дня они еще колебались, но этот банкир – Флинк Тимтай – он их уговорил. Или запугал. Сейчас все жаждут крови Карелла, и догадайся, кто будет следующим?

– Я могу и отказаться убивать Виктора.

– А это уже не играет никакой роли. Ты встречался с Карелла, разговаривал с ним. Ты можешь знать, где находятся эти батареи. Они не хотят рисковать.

– Да-а… куда ни кинь – всюду клин. Хоть что-нибудь хорошее ты можешь мне сказать?

– Это жадная публика. Я могу передать им, что ты сейчас не знаешь, где находятся батареи, но можешь узнать и сообщишь им, скажем, за двести тысяч золотом. А потом грохнешь Виктора еще тысяч за сто. Язык золота они понимают гораздо лучше, чем обычную речь, так что, думаю, поверят.

– Не великовата ли сумма?

– Если сумма будет меньше, то они могут заподозрить, что ты хочешь их кинуть. Но в любом случае это не панацея, а только отсрочка по времени. Да и не факт, что сработает. Так что почаще оглядывайся, сержант. Это все, что я могу сделать.

– Я и на это не рассчитывал. Спасибо, майор.

– Не за что. Я же сказал – я твой должник. – Якобсон снова широко улыбнулся: – Знаешь, я слышал, что тебя повесили где-то в Айдо-Хедо или в Ле Корне, но никогда не верил в это. Удачи тебе.

Он хлопнул меня по плечу своей широченной ладонью и, поднявшись, зашагал к выходу.

Из-за моей спины возник Юл с двумя полными кружками пива. Он несказанно удивил меня тем, что не стал громогласно рассуждать о моих многочисленных недостатках, а тихо присел на место Свена Якобсона.

– У тебя неприятности, Максим?

Ха! Подумать только, я не сразу понял, к кому он обращается!

– Знаешь, Юл… наверное… называй меня Питером. Это мое настоящее имя.

– Питер… Питер… – он как бы пробовал имя на вкус, – Питер… Хорошо. Так как? У тебя неприятности… Питер?

– Похоже на то.

– Крупные?

– Пока не знаю, но… да. Очень.

– Понимаешь, Макс… э-э… Питер, ты здесь уже восемь месяцев. Ты хороший парень – поверь, в людях я разбираюсь. Я люблю тебя. Марта любит тебя. Ты же знаешь – у нас никогда не было детей. Для Марты ты как сын. Поэтому твои неприятности касаются и нас. Если нужны деньги – только намекни. – Он протестующе поднял руку, заметив, что я хочу что-то сказать. – Я состою в Гильдии трактирщиков, и к моему слову там прислушиваются. Кроме того, состою в Гильдии фоморов. Пусть я давно не ходил в море, но взносы перечислял аккуратно. Никогда ведь заранее не узнаешь,

как жизнь повернется. Там у меня тоже хорошие связи. Могу ли я тебе хоть чем-нибудь помочь? Мне бы очень этого хотелось.

Я был тронут. Никогда бы не подумал, что добродушный, но довольно толстокожий Юл способен на такое.

– Спасибо, Юл. Я правда очень благодарен. – Я старался говорить мягче, чтобы не обидеть Юла в лучших чувствах. – Но я пока не знаю, что мне может понадобиться. Я пока даже не знаю, в чем конкретно состоят мои неприятности. И можешь быть уверен, что я обязательно обращусь к тебе, если мне потребуется помощь. А пока, если ты не возражаешь, я хотел бы пойти домой и все хорошенько обдумать.

В глубине глаз Юла пронеслась гроза с громом и молниями, но он сдержался.

– Конечно, Макс, – И попрыгал на своей деревяшке к стойке, где хозяйничала Марта.

– Меня зовут Питер, – сказал я его спине. Но сказал не слишком громко.

* * *

Каморка, которую я снимал, находилась ближе к центру в двух кварталах от бара. Хороший район. Но мой дом был самым грязным зданием на всей улице, да и на соседних улицах, если уж на то пошло, тоже. Хозяина звали Янко Тру. Местные домовладельцы много раз жаловались на него в му-

ниципалитет. Приезжали комиссии, оценивали высоту мусорных куч вокруг дома, количество и упитанность крыс, вдыхали аромат гниющих отбросов и отбывали восвояси. Они ничего не могли сделать с Янко. Кто-то из его героических предков оказал неоценимую услугу королевской семье и получил данный дом в награду. С обычным человеком городские власти не стали бы церемониться – конфискация имущества горожан была обычным делом. Но, учитывая то двусмысленное положение, в котором находится наш нынешний король, с Янко не хотел связываться никто. Дело в том, что наш монарх, несмотря на громкий титул, красивый мундир и всеобщее почитание, не обладает абсолютно никакой реальной властью. Именно поэтому он цепляется за любые, самые крохотные доказательства своей значимости. Янко и стал одним из таких доказательств. Как только чиновники из муниципалитета намекали на конфискацию дома, Тру вытаскивал королевскую грамоту и, брызгая слюной, орал, что он пешком до Глетта дойдет, чтобы рассказать Е-ГО ВЕ-ЛИ-ЧЕ-СТВУ (он именно так и орал – Е-ГО ВЕ-ЛИ-ЧЕ-СТВУ), как бюрократишки из Фаро, наплевав на монаршью волю, отбирают у бедняка королевский подарок. Обычно на пятой минуте воплей чиновники ретировались.

Четыре месяца назад Тру одержал полную и безоговорочную победу. Муниципалитет вывез завалы мусора и покрасил дом. Все за счет города. Янко не заплатил ни дайма. Мусор с тех пор вывозили регулярно. Краска, правда, изрядно

облезла и дом стал еще страшнее, чем раньше, но Тру это мало волновало. Его вообще мало что волновало, кроме ежедневной бутылки рома и ежемесячных взносов за квартиры. Кстати, из локального конфликта «Янко Тру – муниципалитет» мне удалось извлечь свою маленькую выгоду. Дело в том, что я оказался одним из первых демобилизованных, приехавших в Фаро. Цены на жилье тогда были на несколько порядков ниже, поэтому я снял комнату сразу на год и заплатил вперед. Янко тогда чуть с ума от счастья не сошел – его номера не пользовались популярностью у населения. А через пару недель в Фаро добралась первая волна дембелей, и цены на жилье сразу взлетели до небес. Тру понял, что дал маху, и, недолго думая, заявил мне, что цена на мою комнатушку значительно выросла. «Хорошо, – сказал я, – через год обязательно съеду». Янко сменил замок. Я пошел в муниципалитет. Услышав, что я хочу прижать Тру, меня там только что на руках не носили. Я даже бесплатно обедал в их ресторане. До суда дело не дошло. Янко вовремя смекнул, что дело оборачивается не в его пользу, и, сцепив зубы, позволил мне жить в своем доме. Правда, моя комната уже была занята, и он предложил поселиться на верхнем этаже в чуланчике с прорубленным окном. Естественно, за разумную компенсацию. Я не смог отказать себе в удовольствии и в качестве компенсации слупил с него все деньги, которые перед этим заплатил за комнату. Таким образом я уже восьмой месяц жил у Тру абсолютно бесплатно, что никоим об-

разом не добавляло ему хорошего настроения. Обычно он демонстративно игнорировал меня, но сегодня был явно не тот день.

– Добрый вечер, Макс. – Тру расплылся в гаденькой улыбочке, показавшей полное отсутствие зубов.

– Привет и тебе, Янко. – Мне не понравилась ни улыбка, ни сам факт приветствия. Странно еще, что он не назвал меня Питером.

Благодаря Тру я уже был подготовлен к сюрпризам. Поэтому не особо удивился тому, что дверь в мой чуланчик приоткрыта. Я внимательно осмотрел темный коридор и пинком распахнул ее полностью. Их было трое. Двоих я не знал, хотя их внешний вид наглядно свидетельствовал о роде занятий. Но даже если бы у меня и оставались какие-то сомнения на этот счет, лицо третьего посетителя развеяло их как дым. Его звали Крест, и вместе с Лисенком и Болтуном он представлял в Фаро семью Большого. Большого Босса, как он называл себя сам, или Бобо, как за глаза называли его все остальные. Я не слышал о сумасшедших, которые рискнули бы назвать его так в глаза. Большой был действительно большой. Огромный, как тролль, и примерно раз в восемь тупее. Его мозгов хватило бы только на то, чтобы обхитрить булыжник. Не очень крупный. Поговаривали, что на самом деле семьей управляет некто по имени Джек Шкипер, а Большой нужен только, так сказать, для представительских целей. Я этому верил. Бобо даже в лучшие времена не смог

бы пересчитать пальцы на одной руке, а с тех пор, как пристрастился к грибам-паутинкам, его умственные способности значительно ослабли.

– Привет, ребята, – сказал я. – Сегодня у меня вообще-то неприемный день, но если уж вы заглянули на огонек… Кстати, а где ваши костюмы?..

Внезапно Крест резко выбросил вперед левую руку, и моя блестящая речь закончилась на полуслове.

* * *

Пришел в себя я так же внезапно, как и потерял сознание. Перед глазами был грязный дощатый пол. Я попробовал пошевелить руками. Как и следовало ожидать, они были туго стянуты за спиной. Зато ноги были свободны, хотя я пока не представлял, чем мне это может помочь.

– …Большой тогда нам сердца вырежет и позавтракает ими. – Голос был неприятный, визгливый. Нервы у парнишки явно пошаливали. – Уже полчаса прошло, а он даже не пошевелился. Ты грохнул его, Крест, ей-бо грохнул. Ведьма тебя надула. Надо было…

– Заткнись, Гвоздь. Ведьма сказала – двадцать минут. Двадцать минут еще не прошло, а будешь скулить, я тебе сам сердце вырежу.

Сразу вслед за этим меня сильно пнули по ребрам, и тот же голос произнес:

– Вставай, парень. В школу пора.

Я медленно перекатился на спину и приоткрыл один глаз. Крест, засунув руки в карманы, разглядывал меня с искренним любопытством:

– Не такой уж ты и крутой, Питер Фламм. – Мое имя он выделил голосом, видимо пытаясь произвести впечатление своей осведомленностью. К счастью, я уже утратил способность удивляться и не доставил ему такого удовольствия. – Купиться на такой дешевый трюк. Я всегда говорил, что эти армейские придурки ни черта ни стоят в деле. Они только языками трепать могут.

Он с явным удовольствием засмеялся.

Я лежал и помалкивал. Естественно, я понял, что произошло. Не полагаясь на свое численное превосходство, ребята купили у местной ведьмы какое-то простенькое заклятие, которое и вышибло из меня дух. Действительно, старый и дешевый трюк. Настолько старый, что серьезные ребята им уже давно не пользуются. О своей судьбе я пока не очень беспокоился. Если бы меня хотели убить, то я был бы уже мертв. А поскольку жив, то, значит, предстоит какой-то разговор. Я даже догадывался, на какую тему. Немного поелозив по полу, я нащупал спинку кровати и сел, привалившись к ней.

– Захлопни пасть, Крест, зубы простудишь. Вам же, идиотам, Бобо запретил меня трогать, верно? Он же велел только передать свое предложение, так? Так какого же хрена вы тут самодеятельностью занимаетесь? Говори, чего хотел, и

выметайся – у меня еще куча дел.

Крест резко прекратил смеяться, и у него сразу сделалось такое нехорошее лицо, что я даже подумал, что несколько ошибся в своих предположениях. Однако он сдержался и почти спокойно сказал:

– Я вижу, что ты уже в курсе. Ну так не буду отнимать твое драгоценное время. Ты уже говорил с Карелла. Большому нужны эти батарейки. Поэтому я предлагаю тебе два варианта. Вариант первый – ты говоришь нам, где они, и остаешься целым. Вариант второй – мы отрезаем тебе все пальцы, один за другим, а потом ты говоришь нам, где батарейки. Как тебе такое предложение?

Дело принимало плохой оборот. С этих психов станется искалечить меня просто для того, чтобы доказать себе собственную крутость. Я через силу рассмеялся:

– Ты что, Крест, Карелла за умалишенного держишь? Думаешь, он всем и каждому рассказывает, где хранит свои игрушки? Так иди и спроси у него сам. Только по дороге заверни в общественные бани – от тебя помойкой за версту несет, боюсь, что в таком виде Карелла не удостоит тебя аудиенции. Эй, Крест, знаешь, что такое аудиенция? Сможешь написать это слово? Нет? А хотя бы прочитать?

Я его достал. Остатки разума в его глазах сменились белым пламенем ярости, а рука поползла к ножу, висевшему на поясе.

– Щас, ублюдок… Щас… – это был уже не голос, а ка-

кое-то рычание.

– Крест, не надо, Большой нас порвет, – заскулил его напарник. Третий мафиози стоял в дальнем углу и равномерно двигал челюстью, что-то пережевывая. – Я тебе говорю – ей-бо порвет, Крест.

У Большого была отвратительная репутация, и поэтому Крест, опустив свой ножик, изо всех сил врезал мне ногой в пах. Я видел удар и при желании мог легко уклониться, но мне нужно было, чтобы он меня ударил, поэтому я только чуть повернул правую ногу, чтобы не остаться инвалидом на всю жизнь. Но и в бедро прилетело так, что я заорал, выгнулся дугой, насколько это вообще было возможно.

Фаро – относительно спокойный город, а мой район – относительно спокойный район спокойного города Фаро. Но даже в этом районе все носят ножи или кастеты. Тех, кто этого правила не соблюдает, периодически вылавливают из Эсты и хоронят на четвертом городском кладбище. Многие таскают ножи на поясе, однако лично я предпочитаю голенище сапога. Мне кажется, что так оно надежнее.

Эти дилетанты даже не удосужились меня обыскать, да и что с них взять – шпана городская. Нож был на месте. Я вытащил его и зажал лезвие ладонями. Перерезать веревку было делом нескольких секунд, но мне нужно было, чтобы Крест подошел ближе. Поэтому я быстро заговорил:

– Я понятия не имею, где находятся эти батарейки. Только без меня вам их не найти. Вы не можете надавить на Ка-

релла, а я могу. И могу узнать, где хранится то, что вам нужно. Так что давай торговаться. Что я получу взамен батарей? Сколько это будет в денежном эквиваленте? Может, у вас и денег таких нет, а, Крест? Ты передай Большому…

Я говорил все тише и почти перешел на шепот. Чтобы лучше слышать, Крест подошел почти вплотную, немного наклонился. Тогда я уперся руками в пол и резко распрямился, выбросив ноги вперед и вверх. Бедро взорвалось болью, но бандит вылетел в коридор вместе со щепками, которые раньше были моей дверью. Я хотел быстро вскочить, но правая нога подломилась, и я упал на одно колено. Окинув взглядом свою комнату, я понял, что можно было и не торопиться. Гвоздь вжался в стену и смотрел на меня расширенными от страха глазами. Третий, безымянный, компаньон даже не двинулся с места. Он продолжал что-то пережевывать, и голубая слюна стекала по его подбородку. Я присмотрелся повнимательнее и понял, в чем дело. Корень ведьминой лозы. По всем признакам, парень жевал уже не первый час, так что его в расчет можно было не принимать. Сейчас он находился в райских кущах, где королева фей исполняла все его прихоти и фантазии, а отовсюду звучала волшебная музыка симфонического оркестра небес. Я взял нож за лезвие, чтобы было удобнее метнуть в случае чего, и спросил у Гвоздя:

– Ты все слышал?

– Д-да… – мои манипуляции с ножом не ускользнули от его внимания.

– Сейчас я отсюда уйду. Ты выйдешь через полчаса и пойдешь прямиком к Большому. Расскажешь ему все, что видел и слышал. Если он захочет торговаться, то пусть присылает кого-нибудь поумнее. Или, по крайней мере, не таких придурков. Передай ему, что я очень расстроен, потому что не люблю грубого отношения к себе, любимому. А теперь отойди в уголок к своему приятелю и постой там тихонечко.

Гвоздь сглотнул комок в горле и послушно направился в угол, не отрывая взгляда от ножа. Честно говоря, я надеялся, что, выйдя отсюда, он двинется не к Большому, а как можно дальше от Фаро. Однако твердо рассчитывать на это не приходилось. Я оглядел комнату. Никаких вещей здесь не было – запасной ключ хранился у Янко, и мне не хотелось знать, что он роется в моем барахле, пока я разливаю пиво у Юла. Потом оценил размеры ущерба, нанесенного ноге. На правом бедре зияли три довольно глубокие, но, к счастью, неопасные раны. Ими можно будет заняться потом. Я оторвал кусок грязной простыни и затянул ногу потуже, чтобы кровь не вытекала так быстро.

– Эй, Гвоздь, вас было трое или внизу меня поджидает еще кто-то?

– Трое. Только трое. Я, Крест и Щелкунчик. Больше никого.

Хоть парень и был напуган сверх всякой меры, но я ему не особо поверил. Если бы не нога, я предпочел бы уйти через крышу, но в данной ситуации лучше было воспользоваться

обычным путем. Так что я засунул нож в рукав и поковылял к лестнице. По пути взглянул на лежащего в коридоре Креста. На носках его сапог красовались железные набойки с длинными шипами.

– Ну что, козел, изменил свое мнение об армейских? – спросил я.

Крест не ответил. Он был мертв.

* * *

Янко растерялся, увидев меня. Ясное дело – он уже и освободившуюся комнату небось сдал, а тут такое…

– Приберись там, – я неопределенно махнул головой куда-то назад, – и дверь новую поставь к моему возвращению.

Тру бегом бросился наверх. Конечно, никакую дверь он ставить не будет. По его разумению, я уже покойник. Семья не прощает убийства своих людей. Тем более таких выдающихся подонков, как Крест. Но и я возвращаться сюда не собирался. В этом городе мне больше некуда возвращаться. Из этой мысли абсолютно логично вытекал вопрос – куда идти? Единственное доступное мне место – «Овца и мельница». Юл с радостью пустит меня переночевать, но я опасался, что из-за этого у него будут неприятности с Большим. В приличную гостиницу меня с моей ногой не пустят. Да и мест там наверняка нет. Остаются неприличные гостиницы и Нижний город. Там можно переночевать прямо на улице. Вас

не заберет патруль, но очень высока вероятность того, что проснуться вы уже не сможете. К тому же Нижний – епархия Большого. Там все так или иначе работают на него. Размышляя так, я остановился перед двухэтажной гостиницей, на вывеске которой были весьма искусно изображены три бабочки и пчела. Здесь должны были сдавать почасовые номера. Я сунул руку в карман и выругался. Девять золотых талеров, немного серебра и куча меди… Все это осталось валяться на полу моей комнаты – удар сапога Креста разодрал мне штаны, зацепив карман, в котором лежали деньги, полученные от Виктора. Надеюсь, что Гвоздь подобрал их раньше, чем появился Янко…

Большинство жителей Фаро хранят свои сбережения в гномьих банках. «Раппунцель и сын», «Бальцер энд бразэ» и все такое. Надежность, понимаешь ли, проверенная веками. Лично я предпочитаю оркский банк «Камлай». Они, конечно, не платят таких больших процентов (орки не отличаются предприимчивостью), но зато их никогда не грабят. Почти никогда. Последняя попытка была предпринята лет пятьдесят назад. Шестерых грабителей похоронили в одной могиле, потому что судмедэксперты не смогли разобраться, какая часть тела кому принадлежала. К чужой жизни орки относятся с абсолютным пренебрежением. Справедливости ради следует сказать, что так же они относятся и к своей.

Но сегодня вечер пятницы и банк «Камлай» был уже закрыт. Мне придется ждать завтрашнего утра. Я еще раз

внимательно обшарил свои карманы, выворачивая их наизнанку. Усердие было вознаграждено – я нашел серебряный дайм, который каким-то чудом задержался в разорванном кармане. Но этого все равно было мало для ночевки даже в самой плохонькой гостинице. Можно было попробовать снять каморку в публичном доме. Девочки часто остаются работать на улице, а их номера пустуют. Возможно, мадам будет не против заработать даже такую малость – дела в этом бизнесе шли не очень хорошо из-за большой конкуренции. Подумав о ночевке в публичном доме, я вспомнил еще кое-что. Вернее, кое-кого. Кира Риг. Когда я только приехал в Фаро, она работала на улице. Однажды вечером я оказал ей услугу, избавив от полудюжины пьяных шахтеров, которые жаждали любви, но не желали платить. Мы подружились. Кира мне нравилась. Она была забавная. У нее всегда было хорошее настроение, и она свято верила в свою счастливую звезду. Кира частенько торчала в «Овце и мельнице»; в плохие дни занимала у меня деньги, которые никогда не отдавала (да я и не настаивал), и флиртовала с Юлом, доводя Марту до белого каления. Потом она пропала. Примерно через месяц ее подружки рассказали, что Кира таки вытянула свой счастливый билет. Она нашла себе какого-то богатенького покровителя и теперь сама стала мадам. Ее заведение называется «Бронзовая роза» и находится «ну почти в самом центре Центра». Судя по словам девушек, «Бронзовая роза» по роскоши внутреннего убранства лишь немногим уступала

королевскому дворцу и уж во всяком случае во всем превосходила дом президента в Лиа Фаль. Я не возражал, но относился к этим рассказам с изрядной долей иронии – никто из ночных бабочек не бывал ни в Глетте, ни в Лиа Фаль, так что они вряд ли знали, как выглядит королевский дворец хотя бы снаружи.

Я осмотрел свое отражение в витрине. Даже сгущающиеся сумерки не могли скрыть рваные штаны, грязную повязку, испачканную кровью, и общую помятость. В Центре меня задержит первый же патруль. Кроме того, я попросту не знал, где находится «Бронзовая роза» (если она вообще существует где-нибудь, кроме воображения подруг Киры). Поэтому я просто остановил рикшу, показал ему монету и спросил:

– Знаешь заведение «Бронзовая роза» в Центре?

– Да.

– Поехали.

Рикша оглядел меня с изрядной долей сомнения. Но дайм сделал свое дело, и через пару минут я уже катил по мостовой к Центру.

* * *

Я стоял на широкой лестнице из розового мрамора и тупо пялился на огромный (в полтора человеческих роста) цветок розы у входа. Готов поспорить, что он был отлит из чистой бронзы, а не просто покрашен в соответствующий цвет.

Больше никаких опознавательных знаков на доме не было. Меня одолевали сомнения. Это величественное здание никак не походило на дом разврата. В нем вполне мог жить какой-нибудь герцог или городской судья. Или еще кто-нибудь… Спросить было не у кого – мой рикша, получив плату, взял с места рысью и сейчас должен был уже добежать до Тако-Но. Кроме меня, на улице не было ни души.

Не знаю, сколько бы я так еще простоял, если бы не появился патруль – пятеро здоровенных амбалов. Старший был с алебардой, а остальные вооружены дубинками и короткими мечами. Встреча с ними в мои планы не входила. Поэтому я не стал ждать, пока ребята подойдут поближе, а неспешно поднялся по десяти мраморным ступеням. Тут я несколько растерялся – на двери не было кольца, чтобы постучать. Я подергал и покрутил ручку. Заперто. Мельком взглянув назад, я увидел, что патруль остановился напротив меня и старший с интересом рассматривает повязку на моей ноге. Я поднял кулак, чтобы постучать погромче, и тут дверь бесшумно открылась. Не тратя слов, я втолкнул кого-то обратно в дом и скользнул за порог сам. Дверь так же бесшумно закрылась.

В огромном зале горела, наверное, целая тысяча свечей, и я смог рассмотреть привратника (мажордома? дворецкого?) лучше. Это был довольно высокий старик с выправкой отставного гвардейца. На вид ему было очень далеко за шестьдесят, и вид он имел весьма ошарашенный, хотя при этом

ухитрялся сохранять достоинство. Видно, нечасто сюда заходят такие посетители.

– Простите, ради бога, за этот внезапный визит. – Вежливостью тона я изо всех сил старался сгладить первое, явно невыгодное, впечатление. – Я разыскиваю госпожу Киру Риг. Не будете ли вы так любезны передать ей, что ее желает видеть старый знакомый Максим Лэн.

Пока я говорил все это, мои надежды повидать Киру стремительно таяли. Здесь было чересчур роскошно, а понятия «Кира» и «роскошь» существовали в моем сознании только раздельно. Насколько я помню, у Киры было всего одно платье и она частенько ложилась спать голодной. Тем не менее старик выслушал, окинул меня бесстрастным взглядом и удалился, не сказав ни слова. Я отметил, что двигался он совсем не по-старчески. Ему бы на парадах маршевать. Точно – гвардеец.

Ждать пришлось довольно долго – минут десять, не меньше. Не представляю, как можно жить в доме, где хозяйку надо искать десять минут. Пойдешь утром на кухню и выйдешь через месяц где-нибудь в районе Пиковых болот. Захватывающая перспектива. Только в этом зале могла разместиться вся пивная Юла, включая и второй этаж, где он живет.

– Ма-а-акси-и-ик!

После гробовой тишины звук был настолько громким, что у меня уши заложило. Да и эхо тут оказалось совсем как в пещере. Тем не менее я вздохнул с облегчением – так орать

могла только Кира. Она уже неслась ко мне через зал.

– Ма-акс! – Кира повисла у меня на шее и крепко поцеловала в губы. – Я так рада, что ты пришел! Тебе Кнопка адрес дала? Чего ты сразу не пришел? Я же ей сказала – пусть сразу приходит…

– Тихо. Тихо, Кира. Кто такая Кнопка?

– Как? – Кира озадаченно уставилась на меня. – Ну, Кнопка… Маленькая такая, черненькая. Она сейчас на моем месте работает. Я ее три месяца назад видела и адрес дала и сказала, чтобы она обязательно его тебе дала и чтобы ты зашел обязательно. Стой! А если она не дала адрес, то как ты меня нашел?

– Я дал взятку начальнику тайной полиции. Кира…

– Подожди. – Она развернулась к старику и начала быстро показывать ему какие-то фигуры на пальцах. «Гвардеец» кивнул и промаршировал в боковую галерею. – Я ему сказала, что патруль вызывать не нужно, что ты – мой друг. Представляешь, он патруль хотел вызвать. Пришел ко мне и говорит, что какой-то бандит ворвался в дом, что за ним наверняка полиция гонится, потому что его уже ранили и надо…

Кира замолчала и уставилась на мою ногу.

– Макс, ты ранен? Это серьезно? Я вызову врача. Пойдем ко мне в комнату. Обопрись на меня. Пойдем.

– Кира, да успокойся ты, наконец. У меня легкая рана. Врача не нужно. И уж если я добрался сюда, то до твоей комнаты как-нибудь доковыляю.

Кира прищурила один глаз и посмотрела на меня:

– Ты зря отказываешься от врача. Он хороший человек. Делает все быстро и аккуратно. Не задает вопросов и не болтает лишнего.

– Я тебе верю. Но давай обойдемся без доктора.

– Как скажешь. Пошли.

Пока мы шли через зал, я вспомнил, о чем хотел ее спросить:

– Кира, а что ты старику на пальцах показывала?

– А? А, ну я ему говорила, чтобы он стражу не вызывал. Он глухонемой.

– То-то он мне показался каким-то неразговорчивым. – Я вспомнил свой приступ вежливости и ухмыльнулся.

– Ты чего?

– Да так… смешное вспомнил. У тебя какие-нибудь лекарства есть?

– Найдем.

– Еще нужна большая иголка, нитки, спирт и бинт.

– Без проблем.

* * *

Мне много раз приходилось штопать раны как себе, так и другим. Однако для Киры это зрелище было внове. Она с любопытством глядела, как я дезинфицировал иглу и нитки, обрабатывал свою ногу. Однако когда дело дошло до заши-

вания, ее интерес резко упал и лицо сделалось таким, будто я на ее глазах ел живую лягушку. Я вообще-то хотел отложить разговор о делах на потом, но Киру нужно было чем-то отвлечь.

– Я ведь к тебе по делу, подружка. Хотел перехватить несколько монет. Мой банк закрыт, а в гостиницы не пускают без денег.

– Конечно, Макс. – Кира была искренне рада, что может мне помочь. – Только зачем тебе гостиница? Оставайся ночевать здесь.

– Ну, я думал…

– Даже не продолжай. Ты думал, что это – публичный дом и тут куча народу, заняты все комнаты и шампанское льется рекой. Так?

Я думал абсолютно о другом, но промычал что-то, что вполне можно было принять за согласие.

– А вот и нет! – Глаза Киры зажглись торжеством. – Это – дом свиданий. Я сама это придумала.

– Ну-ка, ну-ка… – мне стало интересно.

– Слушай. – Кира подобрала под себя ноги и заерзала, устраиваясь удобнее на тахте. – Это – Центр. Тут полным-полно богатых мужиков, которые не прочь развлечься, когда у них выпадает свободная минутка. Но самое главное, что у этих мужиков есть жены, любовницы, взрослые дочери, которым невыносимо скучно. Они устали от баров, клубов, магазинов. Им хочется приключений. И тогда они при-

ходят сюда.

– Ты хочешь сказать…

– Да. Здесь нет шлюх в привычном понимании этого слова. Сплошь дамы из высшего света. – Кира захохотала, и в ее смехе я уловил нотки злорадства.

– Как я понимаю, деньги ты берешь как с мужчин, так и с женщин?

– Конечно. – Она удивилась такому наивному вопросу.

– Кира, я восхищаюсь тобой.

Я был совершенно искренен. Девочка из Квартала гончаров, где бедность граничила с нищетой; девочка, ставшая мадам для дам из высшего света, была достойна восхищения.

Закончив со своей ногой, я хотел ее перебинтовать, но Кира притащила банку с тягучей мазью зеленого цвета и начала обильно смазывать мою рану.

– Завтра будешь плясать, – пообещала она. – Эта штука заживляет все практически мгновенно. Я это зелье у местной знахарки покупаю по шесть монет за баночку.

Потом она тяжело вздохнула (правда, мне показалось, что вздох был чересчур тяжелым, наигранным) и сказала:

– Да-а… Мечты никогда не исполняются так, как надо…

– Ты о чем это?

– Подумать только – Макс Лэн сидит в моей спальне без штанов и я не могу этим воспользоваться, потому что он ранен. Ты хоть девчонкам с нашей улицы об этом не рассказывай – после такого мой авторитет не восстановится никогда.

Я только рот раскрыл от удивления. Хотя чему тут, собственно, удивляться? Будь это не Кира, а кто-нибудь другой, эта мысль была бы первой, пришедшей в мою голову… Но Кира… С тех пор как я отбил ее от этих шахтеров, я относился к ней, как… ну, наверное, как к младшей сестре. Точнее сказать не могу, потому что младшей сестры у меня никогда не было. И дело было даже не в разнице в возрасте, а просто… просто так сложилось.

– Сколько тебе лет, Кира?

Она усмехнулась уголком губ:

– Двадцать три.

– Да брось ты…

– Не веришь – твое дело.

Мне доводилось видеть пятнадцатилетних шлюх, которые выглядели на пятьдесят. Что касается Киры, то ей можно было дать от силы двадцать. Тема разговора была достаточно скользкой, и я попробовал ее сменить.

– Покажешь мне свой дом?

Моя детская уловка ни на секунду не ввела Киру в заблуждение, но, как я и полагал, желание похвастать своими владениями прямо разрывало ее изнутри.

– Пойдем.

Дом был действительно огромный, но большей частью какой-то нежилой. Кира тараторила без умолку, но я слушал вполуха. Я думал о Викторе Карелла, о Давиде Буковски и о мертвом Кресте. Мысли были невеселые. Наконец Кира за-

явила:

– Хватит. Я же вижу, что ты меня совсем не слушаешь. У тебя крупные неприятности, и это сразу видно. Ты спрашивал о деньгах. Сейчас я могу тебе дать три сотни. Зайди завтра, когда откроются банки, и я дам пять тысяч. Но я бы очень хотела, чтобы ты остался ночевать здесь. – Она задрала свой носик кверху и выпятила подбородок, готовясь к отказу. Но я просто сказал:

– Хорошо, Кира. Я останусь.

* * *

– Дай и мне сигарету.

Кира прикурила новую сигарету от своей и немного повозилась, устраиваясь поудобнее на моем плече.

– Не знала, что ты куришь.

– Я бросил год назад.

– Ну и не начинал бы. Тебе не идет курить.

– Почему это?

– Потому. Не идет, и все. Ты… другой. Не такой. Не такого склада.

– А какого же я, позволь узнать, склада такого особенного?

– Откуда же я знаю. Иногда кажется, что вот еще чуть-чуть, и все станет ясно, а потом ты как-нибудь так голову повернешь или посмотришь, и снова такое ощущение, что ты

сюда случайно забрел и даже не понимаешь, где ты и зачем ты здесь. Не знаю. Но ты не такой. Я чувствую. Я плохо объясняю, да? – Она немного помолчала. – Ты же не простой солдат, как говорил Юлу?

– Вообще-то, да. Я сержант. Но до этого был солдатом. А еще до этого – капитаном.

– Ты из благородных?

Я надолго задумался. Был ли я из благородных? Когда-то этот вопрос меня занимал. Не конкретно этот – нет. Просто я, как любой сирота, в детстве часто думал, что в один прекрасный момент в ворота Королевской школы въедет карета с гербом, оттуда выйдут какие-нибудь мои родственники, какие-нибудь дяди или тети. Должны же у меня быть хоть какие-то родственники? И тогда все сразу станет хорошо. Закончится холод, голод, побои и ежедневная муштра. Что будет вместо этого, я не знал, потому что ничего другого в своей жизни не видел, но твердо верил, что все будет хорошо. Я верил в это до тех пор, пока мне не исполнилось восемь.

– Своего отца я видел четыре раза в жизни, и я не знаю – был ли он благородным. Моя мать умерла при моих родах. Моим домом была Королевская школа боевых искусств, а потом Королевская военная академия. Вот, в общем-то, и все.

– Ты сказал, что был капитаном…

– Меня разжаловали без права занимать офицерскую должность и отправили в глубокую разведку.

– За что?

– Долгая история. Да и не похожа она на вечернюю сказку для маленьких девочек.

– А я и не маленькая девочка. Моих родителей и сестер десять лет назад зарезали у меня на глазах. Просто вспороли им животы, как овцам на бойне. С тех пор я перестала быть маленькой девочкой.

– Кто это сделал?

– Солдаты Федерации.

– Десять лет назад Фаро был вне зоны боевых действий.

– А я и не сказала, что это произошло в Фаро. Сюда я переехала после. Хотела быть подальше от всего.

– Я тоже солдат Федерации.

Кира замолчала, и на этот раз надолго. Я уже подумал, что она заснула, когда она заговорила снова.

– Ты дезертир?

– Ну-у… можно и так сказать. А почему ты так решила?

– Ты не особо распространяешься о своей службе, а солдаты Федерации только о ней и говорят. Ты не хвастаешь наградами и не вспоминаешь «былые деньки». Я думала, что ты воевал на стороне королевств. Что у тебя за неприятности?

– Да я и сам пока конкретно не знаю…

– Я не навязываюсь, но если хочешь поговорить…

Короче, я рассказал ей все. Почти все. О герцоге, о Максе Лэне, который умер, успев все-таки увидеть солнце. О Вик-

торе. О Дэвиде Буковски. О Дэне. О Кресте. О Якобсоне и его дочках. Я не сказал только, чего хотел от меня Виктор.

Кира молчала и хрустела пальцами. Потом она спросила:

– А этот Дэн, он какой из себя?

Я описал.

– Это Котэ Дэниел Ферт, сын Дэвида Буковски.

– Вот уж не знал, что у него есть сын.

– Он вообще-то внебрачный сын, но это тот еще секрет. Все знают. Суть не в этом. Как он тебе показался?

– Глуповат немного, чуточку сноб, но в принципе нормальный парень.

– Это твоя большая ошибка. Ферт – очень хитрый и фантастически жестокий сукин сын. Порой он производит впечатление сумасшедшего. Иногда – такого вот наивного паренька. Но все это – маска. Повторяю – он хитрый и жестокий сукин сын. Его папаша устроил ублюдка на работу в мэрию. Формально Дэн занимает там какую-то мелкую должность, но на самом деле они вместе с папочкой проворачивают всякие темные и грязные делишки.

– Какие, к примеру?

– Любые. Не брезгуют ничем. Но куш должен быть достаточно большим. Навар меньше ста тысяч их не интересует. Чем ты их приманил? Нет, ничего не говори, не хочу об этом знать.

– А откуда тебе все это известно?

– Здесь бывают самые разные люди, и не все из них мо-

гут держать язык за зубами. Знаешь, как бывает – случайное слово здесь, обрывок фразы там… Имей в виду – я никому об этом не говорила, так что…

– Насчет меня можешь быть уверена. А этот Ферт захаживает сюда?

– Весьма часто. Иногда с папашей, но чаще сам.

– Что ты мне еще можешь сказать о нем?

– Я тебе и так слишком много сказала.

– А ты случайно не знаешь, кто такой Шкипер?

– Только то, что знают все. Может, он и бывает здесь, но уж во всяком случае не представляется как Шкипер. Бобо, тот заходит иногда.

– Один?

– Он один и до ночного горшка не дойдет. Его объем мозга несовместим с жизнью. Животное. Или, вернее, растение. Я неправильно сказала, что он здесь бывает. Здесь бывает его тело. Тело приводят люди. Всегда разные. Один бывает чаще других. Невысокий, но повыше гнома будет. Гладко выбрит. Плечи очень широкие – прям такой, знаешь, квадрат на ножках. Но я его запомнила из-за глаз. Глаза у него такие… живые… Понимаешь, у всех этих парней глаза как у рыб. Ну, вроде как они в Семью вступают и им всем такие глазки выдают, будто спецодежду какую. А у этого не рыбьи глаза. Может, он и есть Шкипер, если верно все, что про него болтают. Слушай, я спать хочу.

– Я тоже.

Но заснули мы еще не скоро.

* * *

– Штаны и куртку можешь не возвращать, я все равно не знаю, чьи они. Деньги тоже не возвращай. Вот две банки мази. Мне кажется, что они тебе пригодятся. Я очень рада, что хоть что-то могу для тебя сделать. Но все равно тебе лучше подождать, пока я не вернусь из банка. Это недолго.

– Кира, мне не нужны деньги. Сейчас я пойду в банк и сниму свои сбережения…

– Да сколько там у тебя тех сбережений…

– Почти пять сотен золотом.

– Ого! – Кира была удивлена. – Ни фига себе! Откуда? Юл тебе платит три монеты в неделю. Ты что, по ночам грабишь запоздалых прохожих?

– Ну-у… Когда я… кхм… демобилизовался из армии, то первым делом продал все те висячки, которых мне там надавали. Тогда, сразу после войны, на рынке их еще не было, и я взял хорошую цену. Перевел ассигнации в золото и положил в банк. Вот и все.

– Все равно многовато получается.

– Ну, по правде сказать, перед тем как уйти, я заглянул в полковую бухгалтерию. Нехорошо путешествовать без денег.

Кира с удовольствием засмеялась:

– Вот видишь, я была почти права. Но все равно пять ты-

сяч – это чуть больше, чем пять сотен, согласись.

Я обнял и поцеловал ее.

– Я знаю, знаю, малыш. Знаю и здорово это ценю. Но не возьму этих денег. Ты уговорила меня взять триста монет, но пять тысяч я не возьму. И эти триста я перешлю тебе при первой возможности. Просто пока я не знаю, когда такая возможность представится. Там, куда я направляюсь, возможно, не будет почтамта.

– Я ни о чем не спрашиваю…

– А я бы ни о чем и не сказал.

Кира прильнула ко мне и крепко-крепко обхватила руками:

– Если ты еще когда-нибудь будешь в Фаро… Макс… если ты еще хоть когда-нибудь попадешь в Фаро…

– Знаешь, Кира, лучше зови меня Питером.

– Питером?

– Это мое настоящее имя. Питер Фламм.

Я начал жалеть о сказанном еще до того, как закончил фразу.

Кира медленно опустила руки. Она не смотрела мне в глаза. Так мы и стояли. Она глядела в землю, а я глядел на ее тяжелые густые медно-рыжие волосы. Первым не выдержал я:

– Скажи хоть что-нибудь.

Глухо и не поднимая головы, она произнесла:

– Тебя там не было…

И чуть погодя:

– Я бы запомнила. Я их всех помню. Хочу забыть, а вот помню, и все…

Я поднял руку. Мне так хотелось погладить ее по волосам, пожалеть, сказать, что… что… что… А ЧТО, ЧЕРТ ПОБЕРИ, Я ЕЙ МОГ СКАЗАТЬ?

Я так и не смог опустить свою ладонь. Вместо этого я стал спускаться по ступеням. Удивительно, но нога почти не болела. Мазь, которая стоит в два раза больше моего недельного жалованья, сотворила небольшое чудо.

– Макс!

Я остановился на пятой ступеньке, но оборачиваться не стал. Мне не хотелось встречаться с ней взглядом, а я знал, я точно знал, что сейчас она смотрит на меня.

– Если ты когда-нибудь будешь в Фаро… если ты еще хоть когда-нибудь попадешь в Фаро… не приходи сюда.

И я продолжил свой спуск по лестнице. Наверное, все же нужно было оглянуться, но я не смог. Физически не смог. На последней ступеньке я услыхал за спиной приглушенный звук. Может быть, это был сдерживаемый кашель. Может – сдерживаемое рыдание.

Я перестал ощущать ее взгляд, только свернув за угол.

Даже не знаю, что далось мне тяжелее – стычка с Крестом или прощание с Кирой. Вру, конечно. Знаю. Но не признаюсь в этом даже себе.

Само собой, меня не могло там быть. Не могло. Десять лет назад я еще был армейским капитаном. Или уже не был?

Значит, сидел в тюрьме. Это были разведчики. Мог бы догадаться сразу. Мне тоже приходилось так действовать. Очень редко. Очень редко вовсе не потому, что я обладал какими-то особо высокими моральными качествами. Нет. Я просто очень хотел выжить и был осторожен. Поэтому мои группы всегда возвращались. Не всегда в полном составе, но всегда возвращались. Мы не были регулярными войсками, которые убивали, просто чтобы ограбить и разжиться парой монет. Мы не были партизанами и не были членами многочисленных шаек, бродивших по просторам Федерации. Те убивали просто так. Мы были другими, хотя и не сильно от них отличались. И тем не менее мы тоже засеивали свои тропки трупами людей, которые с нами не воевали и не собирались воевать. Да, мы убивали их, чтобы выжить самим. Но навряд ли это может быть нашим оправданием для Киры. Особенно для Киры.

Меня ТАМ не было.

Но чувствовал я себя так, как будто я там был.

* * *

Я вспомнил. Это было шесть лет назад. Или шесть тысяч жизней назад. Мы стояли в вонючей болотной жиже, которая доходила до подбородка, и терпеливо ждали, пока егеря закончат прочесывать островок в наших поисках. Наконец

они закончили, но не уходили, а расположились на отдых. А мы стояли. Час, два, десять, сутки… Время исчезло. Оно перестало быть, а егеря все не уходили. Ночью какая-то болотная тварь подплыла к Ноэлу, который стоял возле меня, и схватила его за ногу. Я увидел, как Ноэл дернулся, и понял, что сейчас он станет кричать. Тогда я зажал ему рот и одним движением перерезал горло. Я знал его целых четыре года. На войне это большой срок.

А егеря все не уходили, и мы продолжали стоять. И никто из нас не молился, потому что даже бог не должен был знать, где мы находимся. Мы стояли и ждали, что эта тварь вот-вот вернется за добавкой. И каждый держал в руке нож. И каждый, не сомневаясь ни секунды, воткнул бы этот нож себе или соседу под вздох, чтобы не успел вырваться крик. Но тварь не вернулась, а утром егеря ушли. Хоть нас было в пять раз меньше, но мы бы с легкостью их перебили. Но тогда войска наверняка узнали бы, что мы где-то здесь, и встреча с богами стала бы только вопросом времени.

И тогда, тем утром, я подумал, что если вдруг эта проклятая война когда-нибудь закончится и если вдруг я по какому-то случайному стечению обстоятельств останусь жив, то мне очень, очень долго придется платить по счетам. За каждую жизнь, за каждую капельку крови, за все, что мы здесь наворотили. И платить придется не только за себя, а еще и за многих-многих парней, которые сами уже никогда не смогут заплатить…

– Простите? – Пожилая, хорошо одетая женщина смотрела на меня вопросительно и чуть брезгливо. – С вами все хорошо?

Я стоял, вцепившись обеими руками в скамейку. Скамейка находилась в каком-то парке. Я не понимал, как я сюда попал и где, черт побери, я вообще нахожусь. Костяшки пальцев побелели от напряжения, а левую руку свела судорога. Я еле-еле разлепил пальцы.

– Да… да… спасибо, все хорошо. Извините, если я вас напугал. – Я достаточно жалко улыбнулся. – Я только что получил очень печальное известие.

Дама покивала головой, выражая сочувствие, но в ее глазах было сомнение – такие типы не шляются по Центру без дела. Затем она кивнула, то ли убедившись в своих сомнениях, то ли прощаясь, и быстрым шагом пошла к арке, увитой зеленью. По дороге она несколько раз оглянулась.

Из этой части города нужно было как можно скорее уносить ноги. Я понятия не имел, где нахожусь, но двинулся в сторону, противоположную той, куда пошла женщина.

Сориентировался на местности я сразу, как только вышел из парка, который оказался вовсе не парком, а небольшим скверик позади муниципалитета. Здесь, под журчанье фонтанов и чириканье птичек, наши государственные мужи отдыхали от трудов праведных и не очень. Удивительно, как меня еще патруль не сцапал. На мое счастье, был тот час, когда чиновники и клерки уже сидят в кабинетах, а бо-

гатенькие никчемушники чистят зубы перед сном.

От первоначального маршрута я почти не отклонился и в отключке был, по моим прикидкам, не больше, чем полчаса, но все равно задерживаться здесь не стоило. Кто его знает, что там на уме у той женщины. Поэтому, увидев конный трамвай, я заскочил в него на ходу, сунув кондуктору мелкую монету. Трамвай шел кружным путем, поэтому у меня было достаточно времени, чтобы подумать о произошедшем.

Итак, это опять вернулось. Именно сейчас, когда проблем и без того хватает. Такое со мной уже было после того, как я в мундире, снятом с убитого часового, прошел сквозь посты и навсегда распрощался с войной. Тогда я еще не знал, что война не распрощалась со мной. Первый приступ случился где-то через две недели. В одном из баров я увидел Гусенка. Не помню его настоящего имени. Для всех он всегда был Гусенком из-за неправдоподобно длинной шеи. Он служил в моем отделении и был неплохим солдатом. Я подошел к нему, хлопнул по плечу и сказал:

– Привет, Гусенок.

Он обернулся и растянул губы в щербатой улыбке:

– Привет, Питер. Не чаял тебя увидеть. Говорили, что тебя повесили, – и протянул мне руку.

– Я слышал. – Я стиснул ладонь и вдруг почувствовал, как его рука отделяется от тела.

А улыбка Гусенка становилась все шире и шире:

– Да ты че, Питер, разве не помнишь? Мне ж руки отруби-

ли. В той деревушке возле Ай-Апека. Неужто забыл? – улыбка была неестественно огромной и продолжала разрастаться, а я ошалело смотрел на две его руки, а они извивались, как короткие, толстые змеи. – Ты ж это видел. Вы все это видели. Все видели! И никто из вас не помог! Никто! Сволочи!

Гусенок уже орал во всю мощь легких. Я бросил его руки и закрыл уши. И тогда он начал смеяться. Кожа лопнула, и нижняя челюсть буквально упала на пол, а он этого даже не заметил и продолжал хохотать, а кровь хлестала у него изо рта…

Тот рейд провалился, едва успев начаться. Кто-то из штаба слил информацию королевичам, и нас уже ждали. Гусенка схватили. Они хотели узнать, где остальные. В конце допроса ему отрубили левую руку. Потом – правую. Он ничего не сказал. Вообще ничего. Ни слова. Только смеялся. Хохотал до тех пор, пока один из офицеров, нервы которого были уже на пределе, не ударил его саблей в рот. Мы все это видели, потому что лежали в кустах на расстоянии ста метров от места допроса и казни.

Это я вспомнил потом, когда пришел в себя.

Дальше все пошло еще хуже. Долгие периоды просветления стремительно становились все короче и короче. Реальность смешалась с кошмаром, и кошмар стал реальностью. До сих пор не знаю, где заканчивалась явь и начинался бред. Об этих трех месяцах у меня сохранились только обрывочные воспоминания, и было бы лучше, если бы они не сохра-

нились вовсе. Бары, заполненные мертвецами, с которыми я по очереди пил на брудершафт; кегельбан с отрубленными головами вместо шаров; колонны детей с выколотыми глазами; гильотина на центральной площади Леворта; мертвые враги и мертвые друзья… «Я их всех помню. Хочу забыть, а вот помню, и все…» Теперь уже в короткие промежутки просветления я понимал, что схожу с ума, и ждал только одного: чтобы это произошло поскорее и окончательно. Однако сумасшедший или нет, наяву или в бреду, но я неуклонно двигался на север. Почему именно на север? Не знаю. Ведь мне, в принципе, подходило любое направление. Родных у меня не было, друзей не было, где моя родина я не знал. Я мог идти куда угодно. На все четыре стороны. Но шел на север. И мои демоны шли вместе со мной. Так я и оказался в Фаро. Дальше идти было некуда. Дальше были неприступные горы и королевство Эврифен, где мне места не было.

А потом я встретил Юла, познакомился с Мартой, получил работу, снял комнату, помог Кире… И демоны как-то тихо ушли.

А сегодня вот взяли и вернулись, и теперь с этим надо срочно что-то делать.

* * *

Я вышел на площади Эльфа. На самом деле она называется площадь Га Эльцахдариель. Ну, или как-то вроде этого.

Никто не может произнести правильно, и поэтому все говорят просто «площадь Эльфа». В Фаро живет очень мало настоящих эльфов, так что они не возмущаются по этому поводу. Что же касается полукровок, то им все равно. Они тоже не знают, кто такой этот Эльцахдариель. Или кто такая.

Площадь Эльфа – неофициальный центр Среднего города. Здесь сосредоточены все заведения, позволяющие ему нормально функционировать. Вначале я зашел в банк и закрыл счет, особо настояв, чтобы все деньги выдали металлом, а не ассигнациями. Заодно я забрал длинный сверток и старый армейский вещмешок, которые хранил в одной из ячеек банка. Затем отправился на почтамт, откуда отправил триста золотых монет на адрес заведения «Бронзовая роза» в Центре. Мне вообще не нужны были эти деньги, но утром я не хотел расстраивать Киру – она так рвалась помочь мне… Сейчас-то уже все равно. Потом я подумал о том, как мне поступить с одеждой. Как ни крути, но штаны мне были необходимы. Тем более что и штаны были хороши – сшитые «под армию» в эльфьих ателье (уверен, что лучших), они имели множество карманов и, кроме того, были сшиты из очень хорошего, прочного материала. Такие штаны, наверное, стоили никак не меньше десяти монет. Я решил оставить их себе. Куртка… Куртка была мне впору, и это единственное, что можно было про нее сказать хорошего. В такой куртке нельзя ходить по Среднему городу. В ней и по Центру днем не очень-то походишь. Такой себе клубный вариант для суще-

ства неопределенной расы, пола и ориентации. Так что куртку я снял и запихал в мусорный бак. С этим покончено. Теперь следовало решить, что делать дальше. Для начала я купил газету. О стычке в доходном доме Тру не было ни слова. Меня это не особо удивило – Крест не принадлежал к той категории людей, о которых пишут некрологи. Немного подумав, я решил заскочить в «Овцу и мельницу». Следовало сказать Юлу, что я увольняюсь, попрощаться и поблагодарить за все.

* * *

Неладное я почувствовал еще за пару кварталов от бара. Не опасность, нет. Просто что-то было не так. Какая-то нервозность витала на улице. Я прибавил шагу.

В «Овце и мельнице» не осталось ни одного целого стекла. Дверь была крепкой, и полностью разломать ее не смогли, поэтому просто сняли с петель и бросили на мостовую. Внутри был полный разгром. Кто-то переломал столы, стулья, перебил посуду, вырвал из стен канделябры и крюки для ламп, пробил дыры в тонких перегородках и сорвал полы… Посреди всего этого безобразия прямо на куче мусора сидел Юл. Когда я вошел, он даже не пошевелился.

– Марта… – тихо, почти шепотом, сказал я. – Что с Мартой?

– Она наверху. У нее сломана рука. Доктор сказал, что

ничего серьезного…

Голос у Юла был тусклый, безо всякого выражения. Он поднял голову. Все лицо было в мелких порезах и засохшей крови. Я подошел и сел рядом.

– Что тут произошло?

– Они ночью пришли. Вернее, уже под утро – часа в три. Восемь человек. Люди Большого. Посетителей много было – пятница все-таки, но они всех выгнали. Я думал, что они за деньгами пришли. Я им и говорю, что платил в этом месяце уже, а они говорят, что, мол, не в деньгах дело, а им Питер Фламм нужен. А я и говорю, что у нас таких нет, я сразу-то как-то и не вспомнил, что ты говорил, что ты вроде теперь Питер. Ну, тогда они и стали крушить все подряд. Я-то вначале дернулся, да куда там… Двое меня за руки держали, остальные громили… Шум, грохот… Марта проснулась, спустилась вниз. Один, здоровый такой, черный весь, за руку ее схватил, а она как закричит… Никогда не слышал, чтобы она так кричала. Я чуть с ума не сошел… Если бы мне было лет на двадцать меньше… Ну хоть на десять лет… Я им сказал, где ты живешь… Из-за Марты… Я очень за нее испугался. Так бы я не сказал… Из-за Марты… – Он впервые посмотрел мне в глаза – Ты меня простишь… Питер?

– Господи, Юл… – Я сглотнул комок в горле. – О чем ты говоришь… о чем ты говоришь… – Я внезапно забыл все слова и замолк. Наваждение продолжалось около минуты, а потом способность нормально соображать снова вернулась

ко мне.

Юл терпеливо смотрел на меня, и эта его терпеливость была невыносима. Такого Юла я не знал и предпочел бы никогда с ним не знакомиться. В любом случае, ни при таких обстоятельствах.

– Ты ни в чем не виноват, Юл. Они все равно знали, где я живу. Я думаю, что они пришли сюда уже после того, как я грохнул Креста. Это я виноват перед тобой. Я не подумал, что дойдет до такого. Просто не подумал. Времени не было думать.

– Ты убил Креста? Серьезно? Я полагаю, что у тебя была чертовски веская причина, чтобы сделать это. – Голос Юла утратил блеклость. – Это многое объясняет. Тебе нужно срочно смываться из города. Лучше всего в любое из королевств. А еще лучше – в Пограничные земли.

– Я позабочусь о себе. Что будет с тобой?

– Со мной? – Юл хмыкнул и поскреб свою щетину. – Ничего. Взять с меня больше нечего. Я разорен. У меня нет ни гроша. Зачем я им нужен?

– Как «ни гроша»? А твой счет?

– Я не успел тебе вчера сказать – Снейк согласился продать «Поросенка и соловья». Не сразу, конечно, на «сразу» моих сбережений не хватало. По частям. Он должен был зайти сегодня, поэтому я вчера снял все, что у меня было, – почти две тысячи. Ну, на тот случай, если он зайдет утром, когда банк будет еще закрыт. Понимаешь, желающих ведь

много было… Я подумал: пусть деньги полежат здесь – у нас ведь спокойно… Они нашли и все забрали. Так что у меня осталось только это. – Он обвел рукой разгромленное помещение.

– Ты так спокойно об этом говоришь…

– А что уж теперь поделаешь, – тяжелая ладонь Юла опустилась мне на плечо. – Я прожил на свете шестьдесят семь долгих лет, мой мальчик, и всякое повидал. Бывало и похуже. Я рад, что ты жив, но тебе нужно уходить отсюда. Кто знает, они могут и вернуться.

Мысль о том, что «они» вернутся, меня не испугала. Я даже хотел, чтобы «они» вернулись. Я жаждал крови. Придвинув сверток поближе, я сказал:

– Это ничего. Пусть возвращаются. Что ты собираешься делать дальше?

Юл проследил взглядом за моей рукой, но от замечаний воздержался:

– Продам помещение и вернусь в Карт Луг. Здесь мне работу не найти – я слишком стар для шахты, да и нога… А может, отправлюсь в Тако-Но и проберусь в плавни. Там тоже есть пираты. Называют себя речными крысами. Но, скорее всего, все-таки Карт Луг. Я соскучился по морю.

Я молчал и думал. Юл был прав – останься он в Фаро, и через месяц-два ему придется переезжать в Нижний город. Жизнь дорожает с каждым днем. Но я знал, хоть он мне и не сказал, что альтернатива немногим лучше. В его

возрасте устраиваться на корабль – фактически безнадежное занятие. Гильдия фоморов, конечно, найдет ему какое-нибудь необременительное занятие, только чтобы его семья не умерла от голода. Не более того.

– Я поднимусь к Марте?

Юл пожал плечами:

– Поднимись. Но она все равно спит. Доктор дал ей какого-то отвара. Она была расстроена. Очень расстроена.

Да уж, представляю.

– Надо отыскать что-нибудь, что уцелело, и продать. Я не расплатился с доктором…

Это, в общем-то, и решило дело. Неоплаченный счет доктора. Я мог бы отдать Юлу свои деньги, но пятьсот монет никак не могли решить всех его проблем, возникших, кстати, по моей вине. Тут нужен был гораздо более сильный ход. И я его сделал.

– Юл, – спросил я, – ты не знаешь, у кого из наших соседей есть телефон?

* * *

– Деньги прибудут через полчаса. Три тысячи золотом. Чуть позже поднесут купчую, – Карелла был собран и деловит.

– Какую купчую?

– Насколько я понял, ваш шеф хотел приобрести бар «По-

росенок и соловей». Я оказал ему такую услугу. В конце концов, я тоже некоторым образом виноват в том, что произошло.

Виктор оказался большим умницей. За последние два часа я очень сильно изменил свое мнение о нем в лучшую сторону. После моего звонка он не заставил себя долго ждать (я бы даже сказал, что он появился чересчур быстро) и сразу же развил бурную деятельность. Для Марты был приглашен врач из Центра. Его имя мне ни о чем не говорило, но по глазам Юла я понял, что доктор был далеко не из последних костоправов. Затем Виктор разослал с десяток своих людей по разным адресам и сейчас держал передо мной отчет.

– В семье Большого фактически две группы. Одну, более многочисленную, возглавляет сам Большой. Это, так сказать, грубая сила. Боевики. Вторую – Джек Шкипер. Это мозг их команды. Об энергоячейках знали люди Шкипера, но каким-то образом пронюхал и Большой. На Юла, как и на вас, напали его люди. Довольно глупо получилось, но Бобо вообще идиот и ждать от него разумных поступков не стоит. Слух уже пошел; через два-три дня об энергоячейках будут знать все семьи. Эти люди умеют задавать вопросы. Шкипер рвет и мечет. Он думал обтяпать это дело тихо и в одиночку. Теперь так не получится. Мало того, что об этом теперь знают все, так еще и Большой заимел на него большой зуб за сокрытую информацию. Простите за неудачный каламбур. Что касается Юла, то ни люди Большого, ни люди Шкипера его

больше не побеспокоят. Никогда.

– Как у вас это получилось?

– Я сообщил об их подвигах главам других семей. Бандитам тоже приходится считаться с общественным мнением. Нельзя нарушать правила игры… по крайней мере, те, которые сам устанавливаешь. Так что за ними присмотрят, и о Юле можете не беспокоиться. Лучше начинайте беспокоиться о себе. Я надеюсь, что вы хорошо понимаете – нельзя просто так убивать генералов преступного мира… Кстати, а зачем вы его убили?

– Так получилось. Я, в общем-то, не хотел.

– Ну да… ну да… я полагаю, не хотели. Только Крест мертв, и Большой теперь не успокоится до тех пор, пока не отправит вас на рандеву с ним. Вам бы не хотелось сменить место жительства?

– К примеру, на Лиа Фаль?

– А почему нет? Проедетесь за мой счет по Федерации, а тут пока, глядишь, все и уляжется.

– Каким же это образом?

– Ну-у… они поубивают друг друга… или еще как-нибудь.

– Это ведь вы виноваты, Виктор. Вы же прекрасно знали, чем закончится наша встреча. Зачем вы меня подставили?

– Верно. Я знал. Только они и так нашли бы вас. Я просто предупредил, чего нужно ожидать, и предложил помощь. Вы до сих пор можете отказаться, но я считаю, что это было бы

неосмотрительно.

– Вы добились-таки своего. Довольны небось?

– Не совсем. Я не хотел добиваться своего такой ценой. – Он обвел рукой царящую вокруг разруху. – Однако не скрою – легкое удовлетворение я все же испытываю. Люблю, когда все выходит по-моему. Простите уж мне эту маленькую слабость.

– За Юла я могу вам простить и слабость побольше. Какие будут указания… хозяин.

– Для начала не называйте меня хозяином. Как-то глупо звучит. Виктор – вполне нормальное имя. Во всяком случае, мне оно нравится, и я к нему привык. Теперь, что касается указаний… Я очень хотел бы отправиться вместе с вами. Это избавило бы нас от целого отряда ненужных посредников. Но, к сожалению, не могу. Бизнес. Так что придется вам путешествовать в одиночку. Из города нужно убираться, и как можно скорее. Вот деньги – тысяча золотом. – Он протянул мне кожаный кошель и покосился на мой вещмешок. – Я, впрочем, вижу, что вы и без моих советов приготовились к отъезду. Отправляйтесь в Тако-Ито. Оттуда – в Тако-Но. Там в припортовом районе есть трактир «Дева и фазан». Будьте в этом трактире каждый день с семи до восьми часов вечера. К вам подойдет человек и объяснит, что делать дальше.

– Как я его узнаю?

– В этом не будет необходимости. Он сам узнает вас.

– Я бы предпочел получить описание. За последние сут-

ки я что-то стал очень популярен. Боюсь, как бы на встречу пришел не ваш человек, а какой-нибудь другой человек. Из тех, которые не очень меня любят.

Виктор на секунду задумался.

– Да, вы правы. Это будет человек невысокого роста и довольно плотного телосложения. Смуглая кожа, черные волосы. У него довольно большие уши, чуть приплюснутый нос и не хватает левого верхнего резца. Глаза постоянно полуприкрыты. Достаточно?

– Вполне.

– Отправляйтесь немедленно…

– Нет. Вечером. У меня есть еще одно дельце в Фаро.

Виктор подозрительно поглядел на меня.

– Надеюсь, никакого криминала? Никаких игр в мстителя?

– Нет. Мне надо навестить одного знакомого.

– Ну-ну… – только и сказал Карелла, но подозрения в его взгляде не убавилось.

* * *

На прощанье мы с Юлом пожали друг другу руки. Он уже почти отошел – сверкал глазами и выпячивал челюсть, но голос пока не повышал, оберегая покой Марты. По залу туда-сюда сновали рабочие, нанятые Виктором. Юл в этой суматохе снова чувствовал себя капитаном на корабле. Прав-

да, помощь мне больше не предлагал. После визита доктора он, кажется, уверовал, что я могу ходить пешком по воде и превращать камни в золото.

Затем я отправился в Квартал цвергов.

Виктор зря думал обо мне плохо. Я вовсе не собирался развязывать локальный военный конфликт с организованной преступностью. Просто я вспомнил еще об одном знакомом, который мог бы помочь в моем запутанном квесте.

Квартал располагался у самого подножия Гластонбери Торн. Собственно говоря, это был не квартал, а одна бесконечно длинная улица. Жилища цвергов были вырублены прямо в скальной породе и имели только дверь и небольшое оконце, чтобы смотреть, кто пришел. Ни люди, ни эльфы, ни орки, ни тролли сюда не заходили, поэтому единственная улочка была довольно чистой. За невысокими каменными изгородями зеленели садики, но цветов не было видно… Цверги выходят на улицу обычно после наступления сумерек, и поэтому все их цветы цветут только по ночам. Я нашел нужную дверь с табличкой и пнул ее ногой. Приложил ухо и прислушался. Ни звука. Неудивительно – они, наверное, только-только легли спать. Я повернулся к двери спиной и начал изо всех сил колотить каблуком в деревянную створку. Эти норы могут уходить вглубь на несколько сотен метров. Кто знает – на какой глубине там спальня. Внезапно дверь открылась, и если бы она была чуть выше, то я бы провалился внутрь. Так же я лишь сильно ударился затылком о

каменную стену.

За порогом стоял бородатый цверг. Бороденка у него была так себе – даже до пояса не доходила. Молодой еще. Цверг злобно посмотрел на меня:

– Ну? Че надо?

Особых симпатий он у меня не вызвал, и поэтому ответил я в том же духе:

– Норди позови.

– Какого Норди?

– Я не знаю, под каким номером он у вас проходит. Конунга. И побыстрее – у меня мало времени.

– А кто его спрашивает?

– Питер Фламм. Если он вдруг запамятовал, то напомни, что за ним должок.

Цверг что-то пробормотал себе в бороду, видимо ругательство, но делать нечего – пошел.

Норди был конунгом северного клана цвергов, и когда-то, давным-давно, мне случайно довелось оказать ему услугу. Я спас ему жизнь. Но на самом деле это было не главным. Главным было то, что я спас его деньги от разграбления. Довольно значительную сумму – тысяч двадцать. Для Норди (как и для любого другого цверга) спасение двадцати тысяч было гораздо более важным и значимым событием, чем спасение его жизни. Тогда-то он и пообещал мне, что когда бы и по какому бы поводу я к нему ни обратился, то он, Норди, и весь его клан, включая грудных младенцев и домашних ко-

шек, приложат все усилия для оказания мне любой помощи. Похоже, это время пришло.

Ждал я довольно долго. Постепенно в голову начали лезть нехорошие мысли. Помереть Норди, конечно, еще не мог – ему-то было всего лет триста. Но его могли убить во время войны. Могли лишить должности конунга – такое тоже случалось. Его могло просто не быть на месте – уехал куда-нибудь по торговым делам. Наконец дверь скрипнула и приоткрылась. Оттуда высунулась взлохмаченная борода, а потом появился и сам Норди в колпаке и ночной рубашке – заспанный и крайне недовольный. Однако при виде меня его настроение чуть улучшилось.

– Ага… – сказал он с некоторой долей удовлетворения. – Явился-таки. Я уж думал, что тебя и в самом деле повесили в Ле Корне.

– Что я слышу, Норди?! Ты что, действительно рад меня видеть или просто не узнал?

– Узнал-узнал… Знаешь, как говорят? Видеть тебя – одно удовольствие, а не видеть – совсем другое. Твое присутствие не доставляет мне счастья, но я рад, что ты, по крайней мере, жив. Я очень расстроился, узнав, что тебя повесили.

– Да и я не особо радовался. Я по делу пришел.

Норди тяжело вздохнул:

– Вы, люди, такие грубые существа. Ты вообще слышал когда-нибудь слово «вежливость»?

– Нет. В большом словаре я дошел только до слова «бал-

кон». Кроме того, у меня нет времени.

– Да знаю я. – Норди махнул рукой. – Из города бежишь. Я бы на твоем месте тоже торопился.

Я не особо удивился. У Народца свои источники информации. Они знают практически все и обо всех, но никогда не поделятся своими знаниями с чужаками.

– Ах ты, старый жулик! Значит, ты знал, что я нахожусь в городе?

– Нет, но когда мне сказали о смерти Креста, то я сразу навел все справки. Информация – основа удачного бизнеса. Я только не понял – зачем ты его убил?

– Он мне кое-чего задолжал и не хотел отдавать долг. Ты, кстати, догадываешься, зачем я пришел?

Норди тяжело вздохнул.

– Такое разве забудешь. Ты спас мои двадцать тысяч. Я – твой должник. – Внезапно в его маленьких лукавых глазках промелькнула искра. – Я так понимаю, что ты принял предложение Виктора и отправляешься искать эти батарейки?

– Так ты и об этом знаешь?

– Все знают.

«Все» – это значит все цверги, гномы и часть эльфов, которые живут в Фаро. Остальным знать об этом необязательно. Остается утешаться тем, что они хоть информацией не торгуют.

– Может, ты знаешь, где их искать?

– Может, знаю… А может, и нет. – Норди снова тяжело

вздохнул и поморщился, как от зубной боли. – Не спрашивай меня, Питер. Ты же понимаешь, что я не могу тебе об этом сказать.

– Понимаю. Но, по крайней мере, попытаться я мог?

– Ну и сколько же ты хочешь за свой благородный поступок? Честное слово, только вы, люди, требуете платы за добрые дела. Ни одна из благородных рас…

– Заткнись, Норди, и прекрати врать. Твой внук бесплатно тебе даже кружку воды не принесет, а любой эльф за такую услугу ободрал бы тебя, как липку. Я человек, но не идиот, как ты, видимо, подумал. Кроме того, шесть лет назад я тебя за язык не тянул. Ты мне сам расписывал размеры благодарности твоего клана. Что произошло с тех пор? Падение курса обещаний?

Норди опять тяжело вздохнул и сделал скорбное лицо. Цверги очень тяжело расстаются со своими сбережениями. Мне даже стало его немного жаль.

– Успокойся, приятель. В деньгах я не нуждаюсь…

Лицо Норди осветилось, будто внутри него взошло солнце.

– …в деньгах я не нуждаюсь, но… может быть… ты смог бы дать мне один из ваших артефактов… – Я старался говорить уверенным тоном, но вопрос был очень щекотливым, и слова подбирались плохо.

Норди снова изменился в лице. Я его прекрасно понимал. Артефакты цвергов или гномов – вещи уникальные. За по-

следние триста лет людям удалось получить всего двадцать восемь таких штучек. Причем только в подарок. Двадцать три находятся в частных коллекциях, а пять безвозвратно утеряны. Дело изначально выглядело бесперспективным, но, как я уже говорил, надо было хоть попытаться.

– Может, не насовсем, а напрокат? Виктор хорошо заплатил бы… – Как я ни старался, но просительные нотки все же проскочили.

Норди мялся. Ему крайне неприятно было мне отказывать – он дал обещание помочь.

– Питер, ты же прекрасно понимаешь, что я не могу этого сделать. Просто не могу. Это не в моей власти. Я могу нагрузить тебе целую телегу всякого ширпотреба из мелочных лавок, но артефакт… Извини.

– Да ладно, Норди, я понимаю… Ну… прощай. – Я протянул руку.

– Погоди…

Цверг поскреб бороду, а потом, решившись, выпалил одним духом:

– Я могу черкнуть пару слов конунгам других кланов. Только Один знает, куда тебя может занести. Вдруг пригодится. Ты только на многое не рассчитывай – все-таки это не они твои должники.

Ну, Норди! Удивил. Да я о таком и попросить бы не смог, зная, с какой неохотой Народец оказывает людям услуги (особенно бесплатные).

– Я был бы тебе очень благодарен. Честно говоря, у меня просто слов нет.

– Тогда подожди здесь. Внутрь не приглашаю – там тебе все равно не понравится.

Я присел на низенькую каменную скамью и вытянул ноги. Ждать предстояло долго.

* * *

Ждал я действительно долго – никак не меньше часа. Наконец цверг появился из своей норы. На носу у него были крохотные очки, а под мышкой – три свитка из тонкого пергамента.

– Вот. – Он по очереди начал вручать свитки мне. – Это – западному клану. Их конунга зовут Вестри. Это Аустри – восточный клан; и это Сурди, из южного клана. Не перепутай.

– Спасибо, Норди. Слушай, давно хотел спросить – это ты рубил тропу через Гластонбери Торн?

– Не. Это другой Норди – мой предшественник. Я – Норди Пятнадцатый, а тропу рубил Норди Одиннадцатый, и тогда никаких людишек здесь и в помине не было.

– Понятно. Ну, я пошел. Удачи тебе.

– Стой. А что надо сказать?

– Извини. Норди. Мы в расчете.

– То-то… И тебе удачи, Питер.

Он снял очки и еще долго щурился мне вслед. Я уже до-

шел до начала улицы, а его низенькая, коренастая фигура еще маячила среди зелени цвергских палисадников.

* * *

На крыше было довольно жарко. Я пожалел, что не захватил с собой флягу с водой. Нужно было спускаться вниз, тем более что все необходимое я уже увидел. На площади у Южных ворот толпу приезжающих, отъезжающих, встречающих и провожающих утюжили какие-то оборванцы. По виду так и не поймешь – то ли попрошайки, то ли карманники. Но кошельков они не резали и милостыню не просили. Зато время от времени наведывались в местный трактир. А в трактире наверняка сидят крепкие ребята, вооруженные до зубов. Я догадывался об этом, потому что и у Речных и у Королевских ворот картина была точно такой же. Я даже догадывался, кого они ищут. Сезон охоты на Питера Фламма можно считать открытым.

Выбраться из города даже при такой охране было совсем несложно, но я подумал, что на пути в Тако-Ито мне встретится не одна деревня и, скорее всего, там не будет недостатка в людях Большого. И вообще, на наших дорогах одинокий путник привлекает гораздо больше внимания, чем группа людей…

В транспортный центр Фаро (в народе – Караван-сарай) я не пошел. Слишком хлопотно устраиваться на работу, слиш-

ком долго идти даже в Тако-Ито… Да и вообще, неизвестно – ходят ли туда сейчас караваны, ведь недавно пустили паровоз… Вот тут я и допустил первую ошибку в длинной цепи своих промахов. Я решил добраться до Тако-Ито на поезде.

* * *

Выбравшись за городскую стену, я подождал у насыпи, пока мимо меня пройдет состав, и запрыгнул в последний вагон. Билета у меня, конечно, не было, и свободных мест, как выяснилось, тоже. Но золотой игл сотворил чудо, и вскоре я обосновался в мягком шестиместном купе. Вместе со мной ехали какие-то подростки, судя по одежде – из Центра. Две девчонки и двое парней. Самому старшему было лет пятнадцать. Одно место оставалось свободным, но я не сомневался, что это только до первой остановки. Соседи вначале дичились меня, но вскоре пообвыкли и, ничуть не стесняясь, стали обсуждать свои нехитрые проблемы. Они ехали в Тако-Но за наркотой. Все наркотики прибывают в Фаро по Гьелль через Тако-Но и Тако-Ито. Говорят, что на равнине Печали и равнине Падающих Листьев есть целые небольшие городки, жители которых занимаются только тем, что выращивают черную траву, синий корень, а в сезон собирают грибы-паутинки. Может, и так. Я их не осуждаю. Каждый выживает как может.

Когда они достали из сумок свои бутерброды, я вспомнил,

что сегодня перекусить мне так и не довелось. Суматошный день выдался. Паровоз как раз остановился на каком-то полустанке, чтобы загрузиться углем и принять почту; поэтому я засунул вещи под кресло и отправился в вагон-ресторан. За окном была темень. Я не спеша и с большим удовольствием поужинал (позавтракал? пообедал?) луковым супом и запеченным карпом. Публика за столами сидела самая различная, но преобладали богатенькие бездельники. Официант вначале с подозрением косился на мой поношенный плащ, купленный на блошином рынке, но после неприлично щедрых чаевых я стал для него главной персоной во всем поезде, а возможно, и во всей Федерации. Я сидел, попивал крепкий черный кофе и думал, что в высоком достатке есть свои неоспоримые преимущества, а также что я начал слишком быстро обзаводиться сибаритскими привычками. Когда вагон дернулся и начал набирать ход, я затушил сигарету и направился в свой вагон, предвкушая, как замечательно сейчас высплюсь.

Как и следовало ожидать, выспаться мне не удалось. В вагоне царила непонятная суматоха. Мои соседи по купе в полном составе сгрудились в тамбуре. Тут же находились еще две пожилые дамы в халатах, господин в подтяжках и проводник с абсолютно белым лицом. Из самого вагона доносился грохот и металлическое звяканье. Все это мне крайне не понравилось. Растолкав попутчиков, я приоткрыл дверь и присвистнул от удивления. Напротив моего купе стоял голем

и равномерно постукивал своей железной ручищей в дверь. Он был на полторы головы выше меня, целиком сделан из металла и весь в ржавых потеках. Услышав свист, голем развернулся всем корпусом и тут же пошел прямо на меня. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, к кому в гости пожаловал этот парень. Поэтому я просто развернулся и побежал.

Големов мне доводилось видеть. До войны их выпускали довольно большими партиями, и стоили они дешевле грязи. Те, кто побогаче, покупали по десять-двадцать штук сразу. По части мозгов у этих машинок, конечно, не густо, но какие-то несложные работы голем вполне в состоянии выполнить. Дворник, кочегар, дворецкий, садовник… Даже охранники были, но это уж самые последние модели. Однако я ни разу в жизни не видел металлического голема. Он, наверное, обошелся своему хозяину в целое состояние.

Оставив позади вагона три, я притормозил. На роль спринтеров големы тоже не годятся, поэтому минут пять у меня в запасе было. Конечно, проще всего спрыгнуть с поезда и помахать ему ручкой вслед… Но в купе оставались мои вещи, и по крайней мере одну из них я не мог оставить. Мой меч. Это единственное, что осталось мне от отца. Его стряпчий вручил мне клинок на отцовских похоронах. Мне тогда было четыре или пять. Оставлять меч было нельзя. Быстрым шагом я вышел в тамбур и подергал дверь. Заперто. Стянув с себя плащ, обмотал правую руку и изо всей силы шарах-

нул по стеклу. В тамбур полетели капли дождя. Вот черт! Ну что ж мне не везет так?! Именно в это время появился проводник. Он не стал тратить время на разговоры, а сразу попытался мне врезать. Парнишке чуть не хватило скорости, и я оставил его отдыхать на грязном полу. Сейчас было не до нежностей. Подтянувшись на руках, я перекинул свое тело на улицу, но тут из-за проклятого дождя пальцы соскользнули с мокрой железки, и я рухнул в темноту. Уже перед самой землей каким-то чудом я все-таки успел вцепиться в подножку вагона. Ноги все равно волочились по насыпи, и я умолял весь пантеон богов, чтобы на моем пути не оказалось валуна или дерева. В этом случае дальше поехали бы только мои руки. Тяжелые шаги голема прогрохотали по тамбуру, и он направился в следующий вагон.

Едва за моим приятелем закрылась дверь, как я влез обратно, потеряв по пути один сапог. Проводник сидел на полу и пялился на меня, открыв рот. Возможно, он что-то хотел мне сказать, а может, даже и извиниться, но у меня не было времени слушать. Я рысью припустил обратно. Общее собрание в моем тамбуре и не думало расходиться, и даже наоборот – народа прибавилось. Все говорили, причем одновременно, и никто никого не слушал. Один парнишка попробовал загородить мне дорогу и потребовать объяснений, но я просто отбросил его в сторону.

В купе все было по-прежнему. Я закинул вещмешок за спину и размотал сверток. Подумать только – никогда даже

не подозревал, что буду о нем скучать. С мечом в руке я сразу почувствовал себя увереннее. Хотя если серьезно, то что я мог сделать с мечом против железного голема? Разве что заколоться. Теперь надо было выбираться отсюда. Тот, кто послал голема, наверняка позаботился, чтобы он не слишком долго меня разыскивал. Приз за сообразительность эта железяка не получит, но и очень долго плутать по поезду не будет. Словно в подтверждение моих мыслей, в конце коридора снова загрохотали шаги. Я выскочил из купе и, даже не оборачиваясь, припустил в конец поезда.

* * *

Когда взошло солнце, я сидел на берегу безымянного ручейка, промывал свои раны и проводил инвентаризацию имущества. К счастью, прыжок с поезда прошел без особых последствий. Куча синяков, ссадин, порезов, но ничего не сломано и не вывихнуто. С имуществом дела обстояли хуже. Плащ я забыл в тамбуре, сапог потерял, съестных припасов не было. Путь мне предстоял хоть и не особо далекий, но и неблизкий. Раньше чем через десять дней я до Тако-Ито не доберусь. Денег полные карманы, но потратить их нет никакой возможности – ни одного постоялого двора и ни одного трактира в пределах видимости. И неизвестно, когда они попадутся. Земли Вельсунгов не особо заселены. Все это я записал в минус.

Положительного тоже было немало. Кроме меча у меня остался арбалет с тремя десятками болтов, нож, компас, фляга, бинокль, огниво, две пачки сигарет и целый мешок ненужного барахла. А еще – без малого полторы тысячи талеров, на которые ничего нельзя купить. К несомненным плюсам можно было также отнести то, что земли Вельсунгов не особо заселены. На равнинах, где жителей не в пример больше, в каждой рощице прячется как минимум три с половиной разбойничьи шайки из числа дезертиров и демобилизованных солдат. Когда война закончилась, то многие из них не захотели возвращаться домой, чтобы вновь выносить навоз за свиньями и надеяться на хороший урожай картошки. Еще большему количеству было просто некуда возвращаться. Да и незачем, если честно. Они все равно ничего не умели, кроме как убивать и грабить. Потому и осели на равнинах, занимаясь тем единственным, что у них хорошо получалось. Здесь, за болотами, было все же спокойней. Я имел все шансы добраться до Тако-Ито без особых неприятностей.

Для начала я развел костер и развесил одежду, чтобы она просохла. Дождь шел всю ночь, а я даже не присел, стараясь как можно дальше уйти от железнодорожного полотна и голема. В кромешной тьме я отмахал не меньше двадцати километров, разбил пальцы на босой ноге, но зато теперь не особо беспокоился, что он меня нагонит. Затем я аккуратно распорол свой единственный сапог по шву и при помощи

ножа и бечевки соорудил некое подобие легких сандалий. Для долгих прогулок такая обувка подходила плохо, но это все же лучше, чем ничего. При помощи той же бечевки и кожаного пояса смастерил перевязь для меча, которую закрепил на спине. Проверил, насколько быстро я смогу его выхватить в случае необходимости. Достаточно быстро. Свое оружие я предпочитал носить за спиной потому, что клинок был на две ладони длиннее стандартного армейского меча и при дальних переходах начинал мешать. Собрал небольшой, но довольно мощный арбалет, залил водой костер и оделся. Штаны и рубашка еще были влажными и липли к телу, но я надеялся, что вскоре они высохнут. Сполоснул флягу и набрал свежей воды. Потом, подумав, выложил из мешка все, что не пригодилось бы в переходе. Мешок заметно полегчал. Если бы я решился выложить и золото, то оставшиеся вещи легко поместились бы у меня в карманах, но на такой подвиг я был не способен.

Теперь предстояло решить, каким путем я двинусь. Проще всего было бы вернуться к полотну и идти по шпалам. Даже если не удастся заскочить в проходящий грузовой поезд, до Тако-Ито этой дорогой я добрался бы гораздо быстрее, чем накидывая петли по лесам. Но я очень серьезно опасался второй встречи со своим приятелем големом. Пока мне неизвестно, кто его послал, зачем и как его угробить, нашего свидания следовало избегать. На самом деле сильнее всего меня интересовал последний вопрос – каким образом его

можно сломать или обездвижить. Кто бы там его ни посылал, но убивать меня он не хотел – слишком уж сложный и ненадежный способ. Проще было нанять кого-нибудь. При нынешних расценках на человеческую жизнь нанять можно было целый батальон. Это открытие, которое я сделал ночью, меня ничуть не успокоило. Оно не давало ответа ни на один из интересующих меня вопросов, но зато порождало массу новых. Я решил пока об этом не думать и к железной дороге не возвращаться, а посему, сверив направление с компасом, зашагал на запад.

* * *

Через пять дней я все еще шагал на запад, хоть уже и не так бодро. Сандалиям пришел конец на третий день, и с тех пор я передвигался босиком, что никак не шло на пользу моим ногам. Кроме того, я был очень голоден. В этой местности не водились даже мыши. За пять дней я съел несколько горстей ягод, два больших гриба и довольно крупную ящерицу. Птиц тут было довольно много, но все они были просто крохотные, и я опасался промахнуться. Стальные арбалетные болты были сделаны на заказ. Мне не хотелось бы их терять так глупо. Не до того, как я добрался в Тако-Ито.

Абсолютно безлесные участки сменялись непролазными чащами, долины – пригорками и холмами, а я все шел. Весь мой немаленький запас песен и песенок иссяк, поэтому я

помалкивал и глядел, чтобы ненароком не повредить ногу. Для полного счастья мне не хватало разве что этого. Выйти к деревне я уже и не надеялся. За прошедшие пять дней мне не встретилось ни одного следа пребывания человека – ни срубленных деревьев, ни старых кострищ, ни тропинок… Ничего. Поэтому когда я взобрался на небольшой холмик, то мне понадобилось секунды три, чтобы осознать картину перед своими глазами. Только после этого я рухнул на землю.

У склона холма были люди. Семь человек, если быть точным. Я приподнял голову – да, семь. Они не были лесорубами, если только в здешних местах не принято рубить деревья мечами. На охотников ребята тоже мало походили. Это были разбойники, и как минимум двое меня заметили. Сейчас они размахивали руками, показывая в мою сторону. Нельзя сказать, что это меня очень обрадовало. Есть я, конечно, хотел, но все же не до такой степени, чтобы знакомиться с этими ребятами. Я чуть приподнял голову. В мою сторону глазело уже пятеро тружеников ножа и топора, а на этом треклятом холмике мог спрятаться разве что муравей. После трех столетий напряженного ожидания они таки направились в мою сторону.

Бежать было бессмысленно. Пятидневная диета и растертые ноги оставляли мне немного шансов. Поэтому я просто сполз чуть вниз по склону, чтобы меня не было видно с той стороны, и вытащил меч из ножен. Под лучами солнца на клинке заискрилась выгравированная надпись «DUM

SPIRO, SPERO». Что она означает, я не знал, но очень надеялся, что это какое-нибудь заклинание. Сейчас мне нужна была любая помощь. Один болт я снарядил в арбалет и еще два воткнул в землю. Колчан отбросил – все равно больше трех раз выстрелить не успею. Если бы у меня был выбор, то я предпочел бы лук. Он все-таки гораздо скорострельнее. Снял куртку, отстегнул самодельную портупею с ножнами и встал.

Двое на опушке леса продолжали заниматься своим делом – рыться в куче листьев. Зато пятеро приближались и уже подошли на расстояние выстрела. Я довольно хороший фехтовальщик, но на пустом холме и против пяти мне не выстоять. Разве что они сегодня впервые взяли в руки мечи, но особо рассчитывать на это не приходилось – трое из пяти раньше точно хлебали армейскую похлебку. Самым опасным выглядел худой, угловатый мужчина, двигавшийся вторым. Первый болт я предназначил именно ему. Вначале я хотел выстрелить в голову, но побоялся промазать с такого расстояния и без лишних затей выстрелил в живот. Мне ведь нужно было просто сократить число соперников до минимума, так что за беда – пусть поживет пока. Худой упал. Бородач с огромным мечом, шедший впереди, что-то крикнул, и все остальные тоже повалились на землю. Двое на опушке оторвались от своего занятия и прислушались. Потом поднялись и направились в мою сторону. По дороге они переговаривались с лежащими, но слов я не слышал. Эти ребята

явно бывали в переделках и не собирались соваться в воду, не зная броду. Плохо. Очень плохо. Хуже быть не может.

Естественно, как только я подумал, что хуже быть не может, сразу же стало хуже. Намного хуже. Из леса вышли еще четверо и тоже направились в мою сторону. Я с тоской подумал, что если бы побежал, то был бы хоть какой-то мизерный шанс. Сейчас бежать было уже поздно – я подстрелил их приятеля.

Второй болт я выпустил в ближайшего ко мне разбойника, почти не целясь. На третий выстрел времени уже не хватало. Поэтому я отбросил ненужный арбалет, схватил меч и побежал вниз по склону. Мне очень нужно было добраться до первой группы раньше, чем к ним подойдет подкрепление. Но и ребята из подкрепления дураками не были. Они с ходу разгадали мой маневр и тоже побежали, на ходу перестраиваясь, чтобы отрезать мне путь к отступлению. Я не успевал и прекрасно понимал это. Так что я свернул в сторону и рванул к нескольким одиноким деревцам почти в самом низу холма. Между деревьями, да такой толпой, взять меня будет уже не так просто. Ну а что вы хотите? Не мог же я просто бросить оружие и сказать: «Все, ребята, ваша взяла. Чур, теперь я буду водить».

Добежав до деревьев, я развернулся. Вся компания направлялась ко мне. Вся, кроме двух человек, которые остались лежать. Значит, второй выстрел тоже был удачным. Надо же – хоть в чем-то повезло. Пока они шли, я успел хоро-

шо всех разглядеть. Из девяти пятерых можно было в расчет не принимать. Селяне. Деревенские парни, сбежавшие в лес от призыва, а сейчас не спешащие возвращаться. Раз в неделю выйти с топором на дорогу – это не в поле от восхода до заката горбатиться. А вот четверо других были серьезными противниками. Двое из них были полуэльфами. Начинать следовало с них. Никогда не знаешь, чего ожидать от этих полукровок и что спрятано у них в рукаве – туз или нож. Командовал шайкой бородатый коротышка с медно-красным лицом и огромным, не по росту мечом. Надо же. А ведь я хотел вначале выстрелить в него. Жаль, что раздумал. Метров за двадцать от меня они начали перестраиваться в цепь, охватывая мою мини-рощу кольцом. Два полуэльфа оказались напротив меня, и я ни на секунду не спускал с них глаз.

Ребята не спешили. Им некуда было спешить. Это был их лес, и здесь они могли из меня веревки вить. Они это знали. Я это знал. И они знали, что я об этом знаю. Но они не знали, что я был одним из четырнадцати выживших в Пиковых болотах, что я пережил двадцать девять дальних рейдов и черт знает сколько коротких, а до этого еще и в атаки ходил. И это все не для того, чтобы быть зарезанным на холмике, у которого и названия-то нет. Как обычно, перед серьезной дракой меня начала бить крупная дрожь. Не от страха, а от переизбытка адреналина, который сейчас вырабатывала каждая клеточка моего тела. Но полукровки этого не знали. Заметив, что меня трясет, они синхронно растянули губы в

улыбках, и сразу стало видно, как оба похожи. «Братья», – мимоходом подумал я. И тут завертелось.

Дрожь прекратилась так же внезапно, как и началась. Я перекинул меч в левую руку, выдернул нож и швырнул его в того, который находился справа. Одновременно с этим скакнул вперед, стараясь достать второго острием. Но как ни быстро я двигался, проклятый полукровка оказался быстрее. Он просто с места прыгнул назад и плашмя упал на землю. Я рванул обратно – к спасительным деревьям. К счастью, они росли достаточно близко друг от друга. Кольцо сомкнулось. Я метался между стволами, как хорек, застигнутый в курятнике. О каком-то осмысленном ведении боя не было и речи. Я просто старался увернуться от не очень-то умелых ударов и иногда сам наносил удары куда придется. В основном мне это удавалось. Нападавших было слишком много, и они скорее мешали друг другу. При этом они еще старались не зацепить своих. Мне в этом плане было легче. «Моих» здесь не было. Потом весь этот хаос распался на составляющие части: я меж деревьев и двух тел, чуть поодаль – оставшиеся разбойники. Оба тела подавали активные признаки жизни, что я тут же исправил. Остальные угрюмо посмотрели, как я прикончил их товарищей, но попытки спасти их не предприняли. Никто не проронил ни слова. В тишине я слышал только свое тяжелое, хриплое дыхание. С облегчением прислонившись к стволу дерева, я перво-наперво осмотрел свои раны. Ничего тяжелого или смертельного не было, но если

не закончить все очень быстро, то вскоре продолжать будет нельзя из-за потери крови. Кое-как я замотал рукавами своей рубашки самые выдающиеся порезы, наблюдая при этом за своими противниками. С удовлетворением отметил, что им досталось гораздо больше, чем мне. Из семи оставшихся шестеро были ранены, и двое, насколько я мог судить, – серьезно. Полуэльф вообще еле держался на ногах. Приглядевшись, я увидел длинную рану, начинавшуюся на правом плече и заканчивавшуюся внизу живота. Видимо, я все-таки чуть достал его, а он своим кульбитом назад сделал остальное. Еще у одного бывшего солдата была широкая рубленая рана на левом плече. Кровь хлестала не переставая, а этот идиот даже не делал попыток ее остановить. Хорошо. Но самый опасный противник остался цел. Бородатый коротышка с мечом уже отдышался, и ему захотелось поговорить. Он отделился от своей группы и подошел чуть ближе.

– Эй, ты, как там тебя зовут?

Я промолчал. Он понял, что не дождется ответа, и продолжил:

– Мы уже потеряли четверых. Не надо было нам с тобой задираться, да что уж теперь… Если ты захочешь уйти, то мы не будем мешать. Лады?

Я снова промолчал. Едва я выйду из своего ненадежного укрытия, то мне конец. Дело уже не в ограблении. Малыш верно заметил – я убил четверых. К счастью, у оставшихся не было луков, а то мы бы так мирно не беседовали.

– Ну, а если ты, того… опасаешься, что мы, типа, обманем, так мы уйдем. А ты подожди, сколько тебе надо, и тоже иди, куда ты там шел. Так пойдет, а? – Он развернулся к своим подчиненным, приготовившись отдать приказы.

Его примитивная хитрость только выглядела примитивной. На самом деле они могли и не спрашивая преспокойно отойти в лес и ждать там, пока я не выйду, чтобы на ровном месте прикончить меня без помех. Если же я не выйду, тем хуже для меня. Я прекрасно видел взгляд, который коротышка бросил на мои окровавленные повязки.

– Стой… Слушай мои условия: вы оставляете все оружие здесь и уходите. Но пойдете не туда, – я указал на место, откуда они явились, – а туда. – Мой палец ткнул в самый дальний конец поляны. – Вернетесь сюда через пару часов и заберете свои железяки и мертвых парней.

Если бы он взял на себя труд немного подумать, то понял бы, что я вешаю ему на уши лапшу, которую он только что хотел повесить мне. К счастью, мыслителем коротышка не был.

– Нет. Оружие мы возьмем с собой. И уйдем. А дальше ты уж сам решай, как тебе поступить, – бросил он уже на ходу.

Они немного пошептались и потащили раненых туда, куда я показал. Никто не обернулся. Я сидел, привалившись к дереву, страдал от жажды и наблюдал, как скрывается за деревьями последний разбойник. Плевать я хотел на их оружие. Мне все равно не утащить такую груду железа. Главное,

что они пошли в дальний конец поляны и теперь не смогут добежать до меня очень быстро.

Я знал, что сейчас они улеглись за кустами и терпеливо ждут, пока я выйду из тенечка на солнышко. Пусть себе ждут. Никто даже не высунется до тех пор, пока я не скроюсь за холмом – расстояние от меня до вершины холма меньше, чем от них до меня. Еще я подумал, что бородатый не очень высокого мнения о своих бойцах, а то приказал бы идти в атаку во второй раз. Наверняка и бывшего солдата ранил кто-то из своих. Лично я не помню, чтобы он попадался мне под руку.

Отправляясь на холм, я подобрал свой нож. Шел я медленно, постоянно оглядываясь, но едва перевалил за гребень, как постарался действовать как можно быстрее. Сначала подобрал и зарядил арбалет и напился из фляги. Вода немедленно выступила испариной по всему телу. Потом отошел в сторону на расстояние выстрела, прилег на траву и стал ждать.

* * *

Все произошло очень быстро и как-то буднично. Они появились именно оттуда, откуда я их ждал. Из оставшейся компании только вожак действительно хотел меня догнать. У остальных запал боя уже прошел, раны болели, и продолжать погоню им явно не хотелось. Я дождался, пока они заберутся

на гребень холма, и первым же болтом уложил коротышку. Их так это расстроило, что я успел выстрелить еще два раза, а потом мечом завершил дело. Оставались еще двое раненых – полукровка и солдат с перерубленной рукой. Я должен был убедиться, что они умерли, и потому, собрав свои пожитки, поковылял в дальний конец поляны.

Солдат действительно умер, а полуэльф был, к моему удивлению, жив. Когда я шарил по кустам, откуда-то слева раздался голос:

– Эй, Шарль… я здесь…

– Ты чуток ошибся, приятель. – Я развел кусты руками и увидел их.

Солдат лежал на спине, и его открытые глаза бессмысленно глядели в небеса, где ему явно не хватило места. Полуэльф сидел у дерева. Увидев меня, он попытался презрительно сплюнуть, но был слишком слаб для этого. Он умирал. Я сказал ему:

– Ты умираешь, дружок.

– Без тебя знаю… откуда ты… взялся… ублюдок… ладно… встретимся… в аду. – Кровь и жизнь уходили из него пульсирующими толчками.

– Хорошо. – Мне почему-то было немного жаль его. – Жди меня там по вторникам. У входа.

Полуэльф вдруг широко осклабился, будто это была самая смешная шутка, которую ему доводилось слышать. Еще он хотел что-то сказать, но на это сил уже не хватало. Я по-

дождал, пока он окончательно затихнет, и отправился заниматься своими делами.

Вначале я пошел к тому месту, откуда вышли четыре разбойника. Возможно, там у них был лагерь. И, возможно, там есть хоть какая-нибудь еда. Они же должны чем-то питаться, в конце концов. Мысль об этом так захватила меня, что я решил заняться ранами потом, а сейчас попытаться отыскать хоть что-нибудь съестное. По пути я наткнулся на огромную кучу тряпья, которое, видимо, перебирали те двое. Тут были простыни, огромные куски холста, бархата и шелка, плащи, платья, куртки, ночные рубашки, просто рубашки, женские панталоны, мужские штаны, чулки… Я поглядел на измятый смокинг и решил вернуться попозже, чтобы выбрать себе новый гардероб. Старый пришел в негодность. Уцелела только куртка – она лежала на холме.

Лагерь я нашел практически сразу, но, кроме разочарования, эта находка почти ничего мне не принесла. Остатки погасшего костра, плащ, меч и оселок. Ни крошки съестного. Стоянка-дневка. Я уже успел себя убедить, что найду как минимум котел каши и ковригу хлеба, поэтому разочарование было жестоким. Не желая мириться с поражением, я начал шарить по кустам в надежде найти огромный мешок с провизией (их одиннадцать человек было – конечно, огромный). Но вместо мешка я нашел Альфа.

* * *

В первые секунды мне показалось, что я обнаружил то, что искал. Однако почти сразу стало понятно, что пустой желудок и избыток воображения сыграли со мной злую шутку. Это был не мешок, а человек со связанными за спиной руками. Он лежал лицом вниз и не шевелился. Я подумал, что в округе развелось слишком много покойников. Тем не менее неизвестно зачем подошел и перевернул его. На меня смотрели два ярко-синих испуганных глаза. Глаза находились на невообразимо грязном лице, которое, в свою очередь, принадлежало парнишке лет четырнадцати. Грязным было не только лицо – он весь выглядел так, будто его хорошенько изваляли в болотной жиже, а потом оставили сохнуть на солнце.

– Ну, – спросил я, – и кто ты такой?

Парнишка молчал и таращился на меня.

– Как знаешь. Извини, что помешал тебе лежать связанным в лесу, название которого мне неизвестно. – Я сделал вид, что собираюсь перевернуть его обратно.

– А… а… а…

– Что?

– Альф…

– Ага, уже лучше. И что такое альф?

– Альф. Меня зовут Альф. Альф Квинт.

– Хорошо, Альф Квинт. Кто ты такой и как сюда попал?

Парень немного подумал.

– А вы кто такой?

– Юноша, если вы еще не заметили, то я стою на земле и у меня в руках меч, а вы лежите в кустах и ваши руки связаны за спиной. Вам не кажется, что у меня больше прав задавать вопросы? – Я уже понял, что его можно не опасаться, но береженого и боги берегут. – Впрочем, в качестве любезности я отвечу на ваш вопрос. Я путешественник. Меня зовут… – Я на секунду задумался и на всякий случай сказал: – Максим Лэн. Можешь называть меня Максом. Теперь твоя очередь.

– Я… Мы ехали из Тако-Ито, и на нас напали. Все слуги и охрана убежали, а тех, кто остался, они убили. А… где они?

– Полагаю, что там, где им самое место.

Он не понял, и я пояснил:

– В аду.

– Вы их убили? Всех?

– А сколько их было всего?

– Одиннадцать, – и поправился: – Я видел одиннадцать человек.

– Значит, всех.

– В одиночку?

– А что, не верится?

Он ухмыльнулся:

– Да нет, почему. С таким-то лицом… Я думаю, вам пришлось за ними гнаться.

Парень быстро приходил в себя и не был лишен чувства юмора. Мне это понравилось.

– Может, вы меня развяжете?

– Может, и развяжу, только вначале я должен решить, могу ли я тебе доверять. Почему они тебя не убили?

Он посмотрел на меня как на слабоумного.

– Я – Квинт.

– Мне это ничего не говорит.

– Мой отец граф, и он очень богат. Они хотели требовать выкуп.

– Понятно. Поворачивайся.

Он перевернулся на живот, и я перерезал веревки на руках и ногах. Альф сел, привалившись к дереву, и начал массировать затекшие кисти и ступни.

– Сколько, ты говоришь, было слуг и охранников?

– Двое слуг и семь человек охраны. Остались только двое, их убили.

– Где на вас напали? Тут?

– Нет, что вы. – Он искренне удивился. – Мы по дороге ехали.

– А дорога где? – терпеливо спросил я.

– Там, – он ткнул пальцем, – на северной стороне.

– На северной от чего?

Альф окончательно уверился в моем слабоумии.

– На северной от железной дороги.

– А это?

– А это южная сторона. Здесь никто не живет. Там дальше, – он ткнул пальцем уже в другом направлении, – Черная топь. Тут даже зверей никаких нет. Я еще удивился, почему нас сюда повезли. Но я, вообще-то, точно не знаю… Мы когда через насыпь переехали, так нам мешки на голову надели.

– Переехали?

– Ну да, на лошадях.

– А где лошади?

– Не знаю. Я ж говорю, у меня мешок на голове был.

– А пешком долго шли, после того как с лошадей слезли?

– Нет, минут десять.

– Значит, лошадки еще где-то здесь. Это очень хорошая новость. Альф, тут где-нибудь жратва есть?

– Какая?

– Любая.

– Не знаю. Меня не кормили, но сами они обедали. Я слышал.

– Хорошо, значит, будем поискать. Сиди здесь и жди меня.

«Поискать» долго не пришлось. Кусты здесь были густые, и покойные наследили, как стадо свиней, так что вскоре я вышел к их настоящему лагерю на крохотной полянке. Костер здесь тоже не горел, но общий вид был гораздо более обжитой. Шалаши, седла, конские попоны и упряжь, тюки, вьючные мешки и почему-то огромный сундук на замке. К со-

жалению, в котле, который висел над кострищем, ничего не оказалось. Я стал поочередно развязывать мешки. Тряпки, бронзовые подсвечники, золотая и серебряная посуда, статуэтки из бивня мамонта и ни крошки съестного. Внезапно один из мешков шевельнулся. Я едва не разрубил его пополам, успев задержать удар лишь в последнюю секунду.

Из мешка торчали чьи-то ноги. Острием меча я зацепил мешковину и потянул ее вверх.

Там была девушка. Нижняя часть ее лица была плотно обмотана тряпками. В отличие от Альфа испуганной она не выглядела, скорее рассерженной. Очень рассерженной. Я аккуратно размотал тряпку, которая оказалась бесконечно длинным шарфом. Лучше бы я этого не делал.

– Ублюдок! Животное! Ты, скотина, будешь висеть на самом высоком дереве, и подвесят тебя там за яйца! Я уж позабочусь об этом! Чтоб ты на собственных кишках удавился, подонок! Когда тебя…

Я, не особо церемонясь, затолкал один конец шарфа ей в рот, а другой конец так же плотно обмотал вокруг головы. Пока я пытался это сделать, она успела предсказать еще несколько вариантов моего недалекого и крайне печального будущего, а напоследок укусила меня за палец. Справившись, я надел сверху мешок и пошел в первый лагерь. Альф сидел на прежнем месте.

– Пойдем-ка, – поманил я его пальцем.

Не задавая вопросов, парнишка последовал за мной. Ко-

гда мы пришли, я сдернул мешок и насладился полученным эффектом, а он, надо сказать, вышел изрядным. Альф было бросился к девчонке, но, оглянувшись на меня, умерил пыл и остался стоять на месте, так и не убрав идиотскую улыбку с лица. Девушка перестала высверкивать своими глазищами и выглядела даже несколько озадаченной. Ну, почти озадаченной. Если вы видели озадаченную кошку, то поймете, о чем я говорю.

– Кто это такая?

– Это Алиса, она…

– А какого хрена ты мне про нее не сказал! – в сердцах заорал я.

– Я просто не успел, вы постоянно задавали вопросы, а потом быстро ушли. Но я говорил, что нам надевали на голову мешки и после этого я Алису не видел. Я думал, что, может, ее отвезли в другое место. На той стоянке ведь никого не было.

Альф был прав. Он говорил, но я подумал, что это его «нам» и «нас» от чересчур завышенной самооценки. Все-таки папа у «нас» сам Квинт (знать бы еще, кто это такой).

– Все правильно. Ты говорил. Но я… ладно, извини… Черт! Да я ей чуть башку не отрубил!

– Можно ее развязать?

– Не спеши. Может, ты случайно знаешь, почему эта Алиса обещала, что свои дни я закончу в подземном каземате, где меня каждый день будут… в общем, неважно, что имен-

но меня будут… И это, заметь, еще самая отрадная картинка. Остальные гораздо хуже.

Альф то ли фыркнул, то ли хрюкнул и пустился в объяснения:

– Видите ли, господин Лэн…

– Не называй меня господином Лэном. Я еще не настолько стар. Мне двадцать восемь лет.

Он недоверчиво уставился на меня.

– Я что, НАСТОЛЬКО хреново выгляжу?

– Ну-у-у…

– Понял. Продолжай.

Сообщение о моем возрасте заметно развязало Лэну язык.

– Понимаешь… Макс… она, наверное, подумала, что ты из этих… – он неопределенно махнул головой куда-то назад. – Я ее, честно говоря, понимаю – ты… э-э… не очень хорошо выглядишь. Паршиво выглядишь, честно говоря. Во-о-от… А Алиса – она девушка с характером…

Мне надоело его слушать.

– Откуда ты ее знаешь?

– Она моя сестра.

И уточнил:

– Старшая.

Взгляд, который Алиса бросила на своего братца, говорил, что отсутствие последнего замечания она бы вполне пережила.

Предсказание насчет каземата меня задело, и я решил отыграться.

– И на сколько старшая?

– На четыре года, – безмятежно ответил Альф, не замечая яростных взглядов, которые бросала на него сестренка.

– Да ну! – притворно удивился я. – А тебе сколько?

Со стороны Алисы послышалось шипение. Я веселился вовсю.

– Двадцать.

Настала моя очередь недоверчиво смотреть на него. Альф заметно смутился и неохотно пробормотал:

– Моя бабушка была эльфкой.

Понятно. Полукровка.

Альф смотрел на меня настороженно. Однако я не страдал расовыми предрассудками и поэтому просто сказал:

– Ладно, можешь развязать ее. Хотя нет, стой. Ты случайно не в курсе – ее к ветеринару водили?

– Да нет. А что?

– Она меня укусила. Теперь вот не знаю, делать прививки от бешенства или нет.

Слева донеслось рычание. Я назидательно поднял указательный палец вверх. Альф засмеялся и начал развязывать сестру. Мне подумалось, что его хорошее настроение сохранится вплоть до того момента, как он вытащит кляп. Сам я отправился разыскивать еду.

Пока я перетряхивал мешки, Альф держал круговую обо-

рону от нападок своей сестрицы. До меня долетали обрывки фраз и отдельные слова «…должны благодарить…», «…да ты посмотри на него…», «…выкуп…», «…только другая банда…», «…одиннадцать человек…», «…он врет…». Оказалось, что, когда Алиса не орала, у нее был довольно необычный для женщины тембр голоса – низкий, грудной, чуть подернутый хрипотцой, будто присыпанный алмазной крошкой. Красивый голос. Жаль только, что у его хозяйки был характер скунса и язык змеи. Однако я мимо воли прислушался и услышал целую фразу, которую она произнесла довольно громко: «Как хочу, так и говорю. Он лжец и такой же бандит. Я тебе говорю – они что-то задумали, а ты просто доверчивый и глупый мальчишка». Я поднял глаза. Алиса смотрела на меня с превосходством.

Туше.

Я вернулся к своим мешкам, стараясь подавить растущее раздражение. В одном из тюков среди тряпья и золотых ложек обнаружилось зеркало. Человек, которого я там увидел, никак не походил на Макса Лэна. Он не походил даже на Питера Фламма в худшие его времена. «Паршиво выглядишь» – это был комплимент. Пока я разглядывал свое отражение, ко мне подошел Альф. Он выглядел смущенным, потому что знал, что я слышал высказывание Алисы.

– Макс, ты ее извини, она сейчас не в себе немного.

– Переживу, – буркнул я. – Слушай, не знаешь, тут можно найти бритву?

– В сундуке поищи. Ну как? – он кивнул на зеркало.

– Я не знаю этого человека, – коротко ответил я. – Альф, сделай мне одолжение – иди выгуляй свою сестру.

– Зачем?

– Затем, что иначе я ее снова свяжу и вставлю в рот кляп. Ты вообще ее зря развязал.

– Да она на самом деле так не думает. Просто… не знаю… не приглянулся ты ей чем-то.

– Печально, конечно, но я постараюсь это пережить. Просто уведи ее отсюда. У меня сегодня был тяжелый день, который еще не закончился.

Когда они ушли, я сбил топором замок с сундука и начал выкидывать его содержимое на землю. Нашел две бритвы, несколько кусков мыла, полотенце, три бутылки чего-то, запечатанные сургучом, десяток блоков сигарет и не нашел никакой еды. Свою добычу я сложил у плоского камня, добавив туда ночную рубашку из тонкого льна. Поскольку еды все равно не было, я распечатал одну из бутылок. Там оказался довольно хороший коньяк. Голодный желудок благодарно принял выпивку, и через пару минут по телу начало разливаться тепло. Настроение заметно улучшилось. Я закурил, разодрал ночную рубашку на полосы, обработал свои раны коньяком и заново перевязал их. Затем продолжил поиски.

Корзина висела на самом видном месте – на крюке, вбитом в ствол вяза. Там были холодные цыплята, жареный гусь, ветчина, вареные яйца, сало, овечий сыр, копченые угри,

несколько золотистых луковиц, ковриги хлеба, увядшая зелень и разделанная туша ягненка, которая начала уже попахивать. Я с ходу заглотал двух цыплят, запил их коньяком и решил поискать ручей. Нельзя устраивать лагерь вдали от воды. Ручеек обнаружился шагах в пятидесяти от стоянки. Он был чистым и довольно холодным. Я напился воды и пошел обратно.

Родственники уже вернулись. Алиса была напряжена и удивительно молчалива. Альф тоже выглядел задумчиво. У меня не было ни времени, ни желания разбираться в перепадах их настроения, поэтому я просто сказал:

– Еда в корзинке. К моему возвращению соберите дров на всю ночь.

Солнце уже клонилось к закату, значит, мне надо было торопиться.

Над холмом уже кружились мелкие пичуги, которые мне встречались до этого в лесу. С Шарля я стащил сапоги. Они пришлись впору и были поразительно хороши. Готов спорить, что он раздобыл их тем же способом, что и я. У другого разбойника, который любил носить меч за спиной, я позаимствовал хорошую кожаную портупею, состоящую из широкого пояса с карманами и двух ремней. Потом я наведался к куче тряпья и отобрал там все необходимое. Возвращаясь к лагерю, на первой стоянке я встретил Альфа с охапкой сучьев. Я хотел просто пройти мимо, но он меня окликнул:

– Постой, Макс.

Я остановился.

– Мы их видели.

Вначале я не понял, о ком это он, но быстро догадался.

– Это ужасно… они лежат так… мертвые…

– Извини, – сухо сказал я, – у меня не было времени разложить их покрасивее.

– Макс, не задевай Алису, пожалуйста. Она сейчас какая-то… опустошенная, что ли…

– Надо же, – пробормотал я себе под нос. – Какие мы, оказывается, чувствительные.

И добавил уже в полный голос:

– Я не собираюсь ее задевать, Альф. Главное, чтобы она меня не задевала.

Опустошенной Алиса вовсе не выглядела. Напротив, жизнь била из нее, как гейзер. За пару минут до моего прихода она обнаружила ночную рубашку, которую я извел на бинты. Ее любимую рубашку, как я понял. В сундуке, оказывается, были личные вещи наследников династии Квинт, о чем мне немедленно сообщили. И ни один урод не должен был касаться их своими грязными лапами, не говоря уже о том, чтобы рвать женские ночные рубашки для удовлетворения своей извращенной похоти. Об этом мне тоже сообщили. Для богатой наследницы из хорошей семьи у Алисы был весьма обширный лексикон, которому могли бы позавидовать матросы каботажных судов. Я помалкивал и старался ее не слушать. Взлом сундука и уничтожение рубашки не легли

тяжким грузом на мою совесть. Поэтому когда я собрал все необходимое, то просто развернулся и пошел к ручью. Она было увязалась за мной, но, когда я начал раздеваться, позорно ретировалась.

Прежде чем лезть в ледяную воду, я отхлебнул из бутылки, которую предусмотрительно захватил с собой. Чтобы отскрести всю грязь, свою и чужую кровь в холодной воде, пришлось извести целый кусок мыла. Изредка до меня доносились Алисины вопли, из чего я сделал вывод, что Альф вернулся. Потом долгое время стояла тишина. Я успел домыться, перевязать раны, воспользовавшись для этого коньяком, остатками ночной рубашки и мазью, которую мне дала Кира. Когда я начал бриться, появился Альф с полотенцем, куском мыла и свежей одеждой. Он присел на камень рядом со мной.

– Я ваш сундук взломал, – сообщил я ему.

– Ну и черт с ним.

– Я не знал, что это ваш. Правда, не уверен, что это меня остановило бы.

– Да я ж сказал – черт с ним.

– Она уже перебесилась?

– Не думаю.

– Из-за какой-то рубашки…

– Да при чем тут рубашка.

– А что при чем?

– Ну… ты просто все вещи выкидывал и видел всякие ее женские штуки – трусики, там, лифчики, тампоны, пантало-

ны, рубашки эти чертовы…

– Она что, боится, что я их мерил?

– Не знаю, – улыбнулся Альф. – Как по мне – полная глупость, но ее это почему-то бесит. Она считает, что ты… ну… вроде как не имел права… что ты вторгся в ее личную жизнь.

– Трусы и ночные рубашки – это личная жизнь?

– Для нее – да. Ну, это такие интимные предметы, которые другим видеть не положено.

– Господи, да она что – на необитаемом острове жила?

– Навроде того. И еще… она сейчас очень рассержена… короче, она может сказать, что лучше бы мы тебя не встречали вообще. Она это несерьезно, Макс, не обращай внимания. Просто Алиса всегда вначале говорит, а думает уже потом. Если получится. Так что ты на нее не обижайся, если что.

– Я могу вернуть статус-кво – связать ее и надеть на голову мешок, если она именно этого хочет. – Я закончил бриться и стал одеваться.

– Тебя стало прям не узнать.

Я промолчал.

– Нет, правда. Утром я думал, что тебе лет сто и ты только что вылез из помойной ямы. Честно-честно. Ты выглядел гораздо хуже этих бандитов, а уж они выглядели просто ужасно. (Эх, парень, ты даже не знаешь, как действительно ужасно могут выглядеть люди.) А сейчас ты выглядишь как отставной офицер или разорившийся барон. На графа не тянешь, уж извини.

Он и сам мало походил на графа, но я снова промолчал.

Альф вздохнул и сменил тему:

– У тебя, видать, очень насыщенная жизнь. – Он указал на шрамы.

– Я начал их собирать с пяти лет. Так что сейчас у меня лучшая коллекция во всей Федерации. – Я отхлебнул коньяка и протянул ему бутылку. – Будешь?

– Давай, – Альф сделал приличный глоток.

Внезапно его глаза выпучились, коньяк, который он набрал в рот, разлетелся брызгами в разные стороны, а сам Альф зашелся в неудержимом приступе кашля. Я едва успел подхватить падающую бутылку. Видно, для парнишки напиток был крепковат. Однако едва Альф откашлялся, он принялся хохотать. Между приступами смеха он что-то пытался мне сказать, тыча пальцем в бутылку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.